

УСПАМІНЫ ПРА АЛЯКСЕЯ КАРПЮКА **(В. Быкаў, Б. Клейн, Вольга Іпатава, Ніна Ляшчонак)**

З кнігі: Карпюк, А. Выбраныя творы / А. Карпюк. — Мінск, 2007.— 600 с. — (Беларускі кнігазбор : Серыя 1. Мастацкая літаратура).

Васіль БЫКАЎ. ДОЎГАЯ ДАРОГА ДАДОМУ (Фрагменты з кнігі)

[...] Стаўшы сакратаром абласнога аддзялення СП, Аляксей Карпюк імкнуўся актывізаваць працу гродзенскіх пісьменнікаў, арганізоўваў усялякія вечары і сустрэчы — у школах, на прадпрыемствах, часам з выездамі ў раёны. Звычайна для таго запрашаў Дануту Бічэль, Вольгу Іпатаву, якая са школьных урокаў прыбгала куды-небудзь — у педінстытут ці ў рэдакцыю і бойка чытала вершы. Карпюк звычайна ганарыўся маладымі і недалюбліваў старых — некалькіх дужа актыўных пенсіянераў-адстаўнікоў. [...]

Як я з часам пераканаўся, жыццё ў правінцыі мае хіба ўяўную перавагу перад сталічным жыццём, дзе ў сучаснага чалавека сапраўды ёсць магчымасць схвацца ў мурашніку шматлюддзя. Насуперак пашыранаму меркаванню, у правінцыі тое немагчыма. Па-першае, тут ён пад няспынным наглядам начальства, суседзяў, органаў, якія заўсёды імкнуцца ўсё і пра ўсіх ведаць. Зноў жа — візіты. У Горадні, дзе мы шмат год жылі з Карпюком, не мінала тыдня, каб хто не прыехаў да нас — з Менску, Масквы ці з Польшчы. Вядома ж, прыязджалі сябры, харошыя людзі, журналісты, якім мы былі рады. Звычайна пасля такіх знаёмстваў завязвалася сяброўства, якое часам доўжылася гадамі. [...]

На дзень ці два мы з Карпюком мелі прыемнасць сустрэкаць у Горадні ўжо тады слыннага пісьменніка з Беластоку, апальнага Сакрата Яновіча. У часе прагулянак па гарадзенскіх ваколіцах ён распавядаў пра свой пераслед ад польскіх уладаў, а мы распавядалі яму пра свой. Тым і паразумеліся. Як паказаў час, — назаўжды.

Асабліваю прыязнасць госці праяўлялі да Карпюка, тым болей, што ён быў заўсёды даступны, днямі сядзеў у сваім офісе, стукаў на друкарцы. Неяк зачасціў у Горадню журналіст і пісьменнік Олек Амеляновіч, таксама з Беластоку. Карпюк звычайна не любіў пачостак і ў пэўных выпадках запрашаў мяне або прыводзіў каго да мяне на кватэру. Амеляновіч быў просты, таварыскі хлопец, ахвотна піў і шмат распавядаў пра свае экзатычныя вандроўкі на поўдзень, у Лацінскую Амерыку. Але аднойчы, перад тым, як ён меўся прыехаць, у Карпюковым офісе раздаўся ананімны званок, і хтось папярэдзіў, каб Олека не прымалі. Мы апынуліся ў разгубленасці — чый гэта званок, з якога боку? Памятаю, тады ўтрох — я, Карпюк і Клейн, — адышоўшыся ў парк ля Каложы, абмяркоўвалі тое здарэнне. Што гэты званок — з бяспекі, не выклікала сумневу, але з якой? Карпюк каза: а раптам то з іхняй? Разумны Клейн адказвае: і з нашай не лепш. Так мы нічога і не вырашылі. Але, здаецца, пасля

гэтага Амеляновіч не прыехаў зусім. Затое, калі неўзабаве ў Карпюка з'явілася патрэба звярнуцца да яго ў Беластоку, той яго выручыў, як не мог выручыць ніхто ў Беларусі.

Запомніўся прыезд з Ленінграду інжынера Вайцяхоўскага, былога партызанскага камбрыга. Памятаю, тады было добрае надвор'е, мы ўзялі колькі бутэлек і паехалі на прыроду ў Пышкі. Як выпілі, камбрыг і яго колішні падначалены, якога ён прызначыў камандзірам атраду, пачалі ўспамінаць шмат якія эпізоды свайго сумеснага партызанства. Вайцяхоўскі тады вельмі добра выказваўся пра Карпюка-камандзіра, яны ўспаміналі шматлікіх агульных сяброў-партызан. Называлі імёны — тых, хто загінуў, хто і дзе жыве, якую кар'еру зрабіў па вайне. Вайцяхоўскі дакараў, але і хваліў Карпюка, што той не застаўся пасля вызвалення ў 44-м мацаваць савецкую ўладу на Гродзеншчыне, як гэта рабілі ці не ўсе партызанскія камандзіры, а падаўся на фронт, дзе яго пакалечыла. [...]

У мяне быў транзістарны радыёпрыёмнік з кароткімі хвалямі — японскі «Панасонік», які я ці не кожную ноч настройваў — лавіў «Свабоду», Бі-Бі-Сі, «Голас Амерыкі». З усіх, аднак, аддаваў перавагу «Свабодзе». Добра пачуць яе рэдка ўдавалася — глушылі заўжды і шчыльна. Некаторыя раілі шукаць здатнае мейсца ў кватэры, каля водаправодных трубаў, паспрабаваць настрайваць за горадам. Я спрабаваў і так, і гэтак — часцей заўсё нічога не атрымлівалася. Перадатчыкі былі за тысячы кіламетраў, а глушылкі — во яны, побач, на ўскраіне горада. Няўдалымі былі ўсе мае спробы і ў тую ноч. А менавіта тады хацелася дазнацца пра падзеі, што выпявалі ў адносінах да Чэхаславацчыны, на якую нацэліўся «крыважэрны блок НАТО». Міралюбны Варшаўскі блок рыхтаваўся яе ратаваць.

Раніцай, як заўжды, скіраваў у рэдакцыю і на пешаходным мастку цераз чыгунку спаткаў Клейна. Барыс здаўся нязвыкла маўклівы, на чымсь засяроджаны і толькі буркнуў: «Ну, чуў? Яны ўвялі. Танкі ў Празе...»

Тое, вядома, ашаламляла. Я тады зразумеў вэрхал, што ноччу не даваў спаць — на вуліцах штось адбывалася, ішлі калоны машынаў, даносіліся чыесь галасы, у пад'ездах грукалі дзверы і бегалі нейкія людзі. Аказваецца, ішла мабілізацыя, як на вайну. У дапамогу перадавым часцям, што ўвайшлі ў Чэхаславацчыну, на базе Гарадзеншчыны разгортвалася рэзервовая армія. Хапалі запаснікоў, мабілізоўвалі транспарт, на ўскраінах у вайсковых гарадках фармавалі каманды. Як пасля выявілася, тэлефоны гарадской сеткі ў тую ноч былі адключаны. Мы з Клейнам выправіліся да Карпюка.

Яшчэ на падыходзе да Дому Ажэшкі, дзе звычайна працаваў Карпюк, пачулі, як на ўсю вуліцу гучэла перадача Б-Бі-Сі, распавядала, што савецкія войскі акупаюць Прагу. На вуліцы было нямала прахожых, некаторыя спыняліся, слухалі, а бальшыня хуценька кудысьці бегла. Мы тузанулі дзверы Карпюковага офісу, тыя былі не замкнёныя, а ў пакоі на канапе ляжаў Карпюк. Ён быў у поўнай вайскавай форме, побач на сталі ляжала яго партупея і кірзовая палявая сумка. Карпюк хутка ўскочыў, працёр вочы. Мы выключылі транзыстар. «Во, халера, праспаў», — мовіў

змабілізаваны ваяка. Аказалася, што ён усю ноч прабыв у Фолюшы на фармоўцы, раніцай прыехаў сюды і заснуў. Цяпер хутка адпраўка на вызвольны паход у Чэхаславацчыну. «І ты пойдзеш?» — папытаўся Клейн. — «Абавязкова. Ужо я там напішу», — быў яго выразны адказ.

Карпюк хутка паехаў на зборны пункт, і што з ім было далей, стала вядома праз некалькі дзён.

Вялізную мехкалону з мабілізаванымі выцягнулі на шашы ў напрамку польскай мяжы. Прыехала начальства з акругі, пачалі правяраць. Хадзілі адны, другія, трэція. Карпюк цярдліва сядзеў у кузаве МАЗа. І раптам паявіўся начальнік палітаддзелу акругі генерал Дэбалюк. «А гэты нашто? — кінуў ён на Карпюка. Нейкі палкоўнік пачаў штосьці тлумачыць, але генерал не даслухаў: — Зняць! Ён не паедзе». Давялося Аляксею злазіць з высокага кузава, на спадарожных машынах дабірацца да Горадні. Калона пайшла да Чэхаславацчыны без Карпюка.

Карпюк, безумоўна, быў чалавек сумленны і, магчыма, нават хацеў быць сумленным камуністам. Але не ведаў, як ім можна быць. І наогул, што гэта такое — сумленны савецкі чалавек? Што пэўна, ён не любіў хлусні і не цярдпеў непарадку — хоць у літаратуры, хоць у войску таксама. Таму, здаўшы ў Фолюшы сваю амуніцыю, пайшоў уздоўж калючага дроту агароджы паглядзець, ці не засталася што забытае ягонымі папярэднікамі. І — во дзіва! Убачыў у траве тры пакінутыя карабіны. Адчуваючы з вайны каштоўнасць зброі, ён узваліў карабіны на плечы і панёс да капцёркі. Але тая аказалася ўжо зачыненай — усе пайшлі на фронт. Каб не кідаць карабіны ў лесе, давялося іх везці ў горад, у штаб арміі. Там, аднак, карабіны ўзяць адмовіліся — не нашай часці. А ўжо настала ноч, і ён змушаны быў несці карабіны дамоў. Адтуль патэлефанаваў мне: во халера, што мне рабіць? Кажу: там за тваім домам цячэ Ванючка, бухні туды твае карабіны, і справе канец. Ён мяне аблаяў: ты быццам у войску не служыў, не ведаеш, што такое аружжа. — Я, Кажу, ведаю. Гэтым аружжам загаўняны ўвесь свет. Тваіх трох там не хапае... Не паразумеліся тады мы з Карпюком, ледзь не пасварыліся. Назаўтра ён пачаў хадзіць з тымі карабінамі зноў, аж покуль у яго не запатрабавалі пісьмовага тлумачэння: дзе і з якой мэтай узяў і г. д. Ледзьве ён выбавіўся з таго канфлікту, які сам сабе і стварыў. [...]

Сядзячы ў Доме Ажэшкі, Карпюк прачытаў у «Новом мире» ўспаміны генерала Гарбатава, дзе ягоную ўвагу прыцягнуў не расповед генерала пра сваю кар'еру і франтавыя подзвігі, а скупое паведамленне пра тое, што генерал не п'е. І ніколі не піў. Уражаны такім дзівам, Карпюк сунуў часопіс у кішэню і пабег па вакзал. Там, не паспеўшы сказаць пават жонцы, сеў у маскоўскі цягнік і ранкам быў ужо ў Маскве. Пасля працяглых перамоваў з палкоўнікамі Геперальнага штабу раздабыў адрас Гарбатава, які жыў каля Нікіцкіх варот. Карпюк пазваніў у дзверы, і папярэдджаны з генштабу генерал яго ўпусціў. Карпюк ветліва прадставіўся — беларускі пісьменнік, ветэран вайны. Генерал пасадзіў гасця за маленькі столік, дастаў з шафы гранёны графінчык. Карпюк хацеў абразіцца і заўважыў, што ў часопісе генерал напісаў, быццам не п'е. Аказалася, сапраўды не п'е, а графінчык — для гасця. Тады Карпюк

горача паціснуў генеральскую руку, радасна паведаміўшы, што таксама не п'е. І выклаў яму патрэбу, з якой прыехаў у Маскву. Ва ўсіх краінах евету ёсць таварыствы цвярозых, а ў нас няма. А між тым шкода ад п'янства... І г. д. Таму трэба звярнуцца да грамадскасці з лістом, падпісаным аўтарытэтнымі людзьмі, вось як вы і я, і стварыць таварыства. Тэкст ліста ўжо гатовы, вось пачытайце...

Трохі збянтэжаны генерал прачытаў тэкст і цяжка ўздыхнуў. Справа добрая, сказаў ён. Але хто падпіша? Сярод яго знаёмых цвярозага генерала яму не зпайсці. Можа, сярод пісьменнікаў?..

Карпюк задумаўся. Канешне, ён разумеў, што двух подпісаў было замала для такога ліста, патрэбны быў трэці. Ды знайсці яго сярод пісьменнікаў таксама праблема. І раптам ён успомніў пра Адамовіча, які тады быў у Маскве на нейкіх курсах. (Стаўшы ўжо доктарам навук, той усё вучыўся.) Карпюк пабег па Маскве шукаць Адамовіча. Ён шукаў яго цэлы дзень да вечару, аб'ехаў усе вядомыя рэдакцыі, абзваніў знаёмых. І высветліў, што Адамовіч сёння едзе ў Менск. Тады Карпюк купіў білет на вечаровы цягнік і, як той рушыў з Беларускага вакзалу, пачаў абход вагонаў. Ён іх абышоў усе, зазіраў у кожнае купэ і каля Смаленску сапраўды знайшоў соннага Адамовіча. Той выслухаў яго прапанову і сказаў: «Я гатовы ўступіць. Але толькі з умовай разваліць яго знутры». І лёг спаць. Карпюк аблаяў Алеся і выйшаў з цягніка. Раніцай прыехаў да Нікіцкіх варот і аб'явіў генералу, што трэцяга цвярозага чалавека ў Расеі не знайшоў. Так высакароднае таварыства не было створана. Ні тады і ніколі болей.

Карпюк, як ён пасля распавядаў, дарма звязаўся з вайскоўцамі, хоць бы і з генераламі. У сваім жыцці ён пераканаўся, што з гэтым народам лепей справы не мець. У вайну Карпюк камандаваў партызанскім атрадам, пасля ваяваў на фронце, быў двойчы цяжка паранены, а афіцэрскага звання так і не выслужыў. У той жа час хлопчыкі, што прыходзілі з універсітэту, так бы мовіць, авансам былі лейтэнанты. А некаторыя і пры ўзнагародах, заслужаных і не надта. Карпюку ж не далі сабраць нават заслужаныя ім на вайне медалі.

Займеўшы аднойчы вольны час, ён узяўся напісаць лісты. Адзін быў міністру абароны наконт таго, каб яму выдалі заслужаны ім медаль за ўзяцце Берліну, другі — дзядзьку на Урал. Дзядзька пісаў даўно ўжо, што жыве кепска, з прадуктамі трудна, прасіў дапамогі. Дык пляменнік яму напісаў: кінь ты гэта расейскае жыццё, прыезджай у Беларусь, тут бульбачкі хопіць. Той жа дзень аднёс лісты на пошту.

І вось праз нейкі час прыбывае з ваенкамату пасыльны, прыносіць позову. Карпюк парадаваўся — ці не прыйшоў ад міністра медаль? Прышоў да палкоўніка-ваенкама. Той чамусьці глядзіць ваўком, а потым падае аркуш паперы і кажа: «На чытай». Карпюк моўчкі чытае. «Не, ты гучна чытай»,— кажа ваенкам. А там на бланку Міністра абароны Саюза ССР напісана: «Загадваю. Параграф першы. Выклікаць і растлумачыць грамадзяніну Карпюку А. Н. што я ў сваяцтве з ім не знаходжуся і дзядзькам яму не з'яўляюся. Параграф другі. Гродзенскаму аблваенкаму палкоўніку такому-та за нізкі ўзровень палітмасавай работы з асабовым складам аб'яўляю вымову.

Міністр абароны маршал Савецкага Саюза Г. Жукаў». — «Ты зразумеў? — пытаецца ваенкам. — Мне праз паўгода на пенсію, хто мне цяпер гэтую вымову зніме? Ці мне без пенсіі ў адстаўку ісці? Во што ты нарабіў, разгільдзай!»

Прыгнечапы, з сапсутым пастроем Аляксея вярнуўся дадому, дзе яго чакаў ліст ад дзядзькі. Той пісаў хімічным алоўкам на школьнай старонцы: «Дарагі пляменнік, ці ты там з глузду з'ехаў у сваёй Горадні, — які я табе маршал і дзе я табе вазьму гэны медаль? Я і ў войску ні дня не служыў...» З дзядзькам, канешне, адносіны ўлагодзіліся, а прадстаўленне на афіцэрскае званне ў Карпюка лягнула. Карпюк быў у недаўменні: падумаеш, папісаў! Я ж маршала не аблаяў. Дык праз тое да пяцідзсяці год хадзіць радавым? А гэтыя, што ў вайну ні разу па жывым немцу не стрэлілі, ужо маёры запасу. Вунь як той Гаўрушка, што самагон на хутары для камбрыга гнаў. Цяпер ён член бюро гаркама, — абураўся Карпюк. Тады ён яшчэ не прадбачыў, што прыйдзе час, і гэты брыгадны самагоншчык дасца Карпюку ў знакі... [...]

На партыйных і гаспадарчых мерапрыемствах у вобласці з зайздроснай увагай і смакам абмяркоўваліся «ідэалагічныя дыверсіі» гродзенскіх літаратараў. Нават патрабавалі адказу ў сакратара абкама па ідэалогіі А. Ульяновіча, які не ведаў, як апраўдацца, але абяцаў «спусціць штаны» з Карпюка і Быкава. Адна надта кіраўнічая дама, мусіць, хацела апраўдаць Быкава гэтакім аргументам: чаго ж вы хочаце ад чалавека, які нават не скончыў ВПШ, бо не член партыі? Да таго ж п'е. На тое ёй пярэчылі: але ж Карпюк скончыў інстытут, нават Вышэйшыя літкурсы і не п'е. Дык куды ж глядзіць абкам КПБ?

Што да выпівання, дык тая дама мела некаторую рацыю — за мной быў такі грэх. Асабліва падчас паездак на розныя пісьменніцкія мерапрыемствы. Адночы, памятаю, на пленуме ў Маскве праседзелі з адным маім сябрам увесь дзень у буфеце, дзе, вядома ж, пілі. Але не толькі пілі, а і вельмі актыўна дыскутавалі з двума ўкраінскімі артадоксамі з поваду пераследу Віктара Някрасава.

Спрэчка перайшла ў злосную сварку, і мы сварыліся (і пілі) аж да сканчэння мерапрыемства. Так і не зайшоўшы ў залю.

Тое ж не раз здаралася ў Менску, і Карпюк нават ездзіў да маіх сяброў сварыцца, што яны спойваюць Быкава. З мяне памалу ствараўся вобраз пуставатага абібока і п'янтоса. Я не бурыў той вобраз, я яго падтрымліваў у якасці пэўнай абароны ад таго, што магло спасцігнуць адказнага, разважлівага і цвярозага. І спасцігла не аднаго. У цэнтральных газетах паявіўся артыкул (ці прамова) начальніка Главпура Савецкай Арміі генерала арміі Епішава, у якім ён сярод іншых расійскіх аўтараў (Еўтушэнка, Вазнясенскі, Аксёнаў) бэсціў і Быкава. На чарговым партыйным мерапрыемстве ў Доме афіцэраў, куды запрасілі Карпюка, той сказаў са злосцю: «Калі Епішаў — генерал, дык хай камандуе войскам, а не лезе ў літаратуру». Тая ягоная рэпліка выклікала паніку сярод партыйнага кіраўніцтва Горадні. Як Аляксея у чарговы раз пайшоў у абкам, яго туды не пусцілі. Наспявала штось не зусім звычайнае.

У гэткай атмасферы надышоў 100-гадовы юбілей Леніна, да якога рыхтаваліся, бы да аканчальнай перамогі камунізму. Па гарадах і вёсках ішлі сходы, пленумы,

ленінскія сімпозіумы. У Саюзе пісьменнікаў з гэтай нагоды наладзілі ўрачысты пленум, прыехалі і мы з Карпюком. Я пасядзеў крыху і пайшоў — беспартыйныя сябры запрашалі на пачостку. Карпюк запісаўся ў выступоўцы. Толькі што перад тым па краіне прайшоў ленінскі суботнік, рэпартажы з якога друкаваліся ва ўсіх газетах, і Карпюк зрабіў тое тэмай свайго выступлення. У канцы ён сказаў: «Мы ведаем, як у суботніку ўдзельнічаў Уладзімір Ільч, з кім ён насіў бяргвенне. Але з кім насіў бяргвенне Леанід Ільч, таго нам «Правда» не паведаміла. Ці, можа, Брэжнеў не ўдзельнічаў у ленінскім суботніку, — хай нам адкажуць». Марцалеў, які сядзеў у прэзідыуме, аж скалануўся ад тых слоў і ў канцы пленума сказаў, нібы між іншым: «Што да выступлення таварыша Карпюка, дык гэты чалавек пачынае хадзіць па галовах».

Праз нейкі час той жа Марцалеў і ягоны памочнік Гніламёдаў прыехалі ў Горадню наводзіць парадак у мясцовым аддзяленні пісьменнікаў. Пасля грунтоўнай гутаркі ў абкаме пачалі па адным выклікаць нас у Дом Ажэшкі. Першай паклікалі Дануту, якая не хутка выйшла адтуль з заплаканым тварам. Нават не схацела гаварыць, што ў яе пыталіся. Наступным быў я. Размова была звычайная — пыталіся пра прычыны канфлікту з мясцовымі ўладамі і чыталі мараль. Як я распавёў пра прошукі КДБ, Марцалеў аж спалохаўся: «А вы ўжо ўсім расказалі?» Не ўсім, кажу, але некаторым расказаў. У тым ліку і карэспандэнтам з Масквы і Варшавы. У Карпюка дапытваліся пра прычыны ягоных адносінаў з абкамам, на што Аляксей сказаў: «Як яны да нас, так і мы да іх. Юбілейным ленінскім медалём за штучнае асемянненне кароў Ульяновіча ўзнагародзілі, а нас з Быкавым за вайну — і не падумалі».

Борис КЛЕЙН. НЕДОСКАЗАННОЕ

(Главы из книги)

С Алексеем Карпюком я повстречался впервые в Гродно сразу после войны, когда он учился в Пединституте вместе с моим братом Львом[33] (впоследствии профессором Санкт-Петербургского и Венского университетов). В нашей квартире на улице Энгельса Карпюк делился своими заботами, а когда добился первых литературных успехов, он шел сюда, чтобы сообщать им порадоваться. В один из ранних своих очерков[34] он вставил монолог хирурга Аси Моисеевны — моей матери. Настало время, когда сблизилась и наши жены — моя, Фрида, и его, Инга. Настоящую популярность принесла ему повесть «Данута», окрашенная тем целомудрием довоенного любовного влечения, которое еще не стало тогда старомодным. [...]

В центре старого города все было на виду. Не могло оставаться незамеченным, что по вечерним улицам Гродно систематически ходят вместе Карпюк и Клейн, о чем-то все спорят, а может и сговариваются. Когда же нас стало трое, включая теперь и Быкова, а уличные прогулки дополнились и взаимопосещениями квартир, наши маршруты стали все более явно отслеживаться. Впрочем, неудивительно, что наблюдали за автором произведений, получивших международную известность, — но

отнюдь не такую, какая устроила бы власть. Надо думать, после выхода в «Новом мире» повести Быкова «Мертвым не больно» возникшие ранее у влиятельных лиц подозрения переросли в уверенность, что в пограничном белорусском городе формируется идейно чуждая и политически враждебная группа интеллигенции.

Однажды летним днем 1965 г. я изучал документы Гродненского областного архива. Неожиданно начальник архива сказал мне, что кое-кто во дворе хочет со мной переговорить. Там гражданин без особых примет предъявил удостоверение КГБ. Любопытно, чем мотивировалось обращение органов именно ко мне с предложением стать секретным сотрудником. Во-первых, в пользу этого говорила успешная защита мною кандидатской диссертации. Далее, имелись рекомендации компетентных людей, что на меня можно положиться, как на человека с кругозором и ответственного. Такому, мол, и можно доверить изучение изнутри настроений интеллигенции в обстановке, когда враг не дремлет... — и т. п. Выгоды же от сотрудничества для меня очевидны, — подчеркнул он. Для начала будет работа на месте, затем командировки по стране, а там, глядишь и за границу. Пойдет неплохо и научная карьера, с гарантией продвижения.

Тут считаю нужным сделать оговорку, что к работе органов безопасности я относился с пониманием. И вербовщика заверил, что если натолкнусь когда-нибудь на шпиона, то приду и выдам его. Но сверх того ничем полезен быть не смогу, ввиду полной профессиональной непригодности для подобных занятий. Он не пытался меня разубеждать и корректно распрощался, взяв однако обещание, что наша беседа разглашаться не будет. О подобного рода ситуациях, как известно, нередко рассказывается в воспоминаниях из тех лет. Но правду ли говорят мемуаристы, остается па их совести. Мне тоже не на что сослаться в подтверждение, кроме как на свою уверенность: не отыщутся в органах мои расписки или какие-либо иные обязательства, поскольку я их никому там не давал.

Но поведение мое все же было небезупречным, ибо в тот же вечер я пришел домой к Быкову и рассказал, что произошло. Василь заметил, что это вторая известная ему попытка организовать за ним слежку. Не знаю, он ли интересовал их, или Карпюк, или кто другой: мне объект наблюдения был назван обобщенно, — интеллигенция. Вот в ком нашли противника, это точно. Им, конечно, было виднее. [...]

Конечно, правда доходила и до нас, пусть с опозданием. Нельзя было отрицать, что в начале 1920-х эксперимент со введением коммунизма провалился, а советское общество распалось до такой степени, что люди начали есть людей. Ленинское окружение уже не стало выдумывать новые утопии, а во главе с вождем, ради спасения обратилось к проверенному веками способу: ввело свободу торговли. Отчего же, рассуждали мы, не вспомнить этот собственный, преподнесенный историей урок свободы? Если невозможно всем сразу, пусть начнут коренные реформы самые развитые. Конкретно шла речь о Чехословакии[35], занимавшей перед войной одно из первых мест в Европе по производительности труда и уровню жизни.

Но не буду скрывать, это был для нас с Алексеем только исходный пункт в том духовном процессе, который в обвинительных материалах назовут «идейным перерождением». Процесс был долгим и упрощать случившееся не стоит. Почему не осваивать западный опыт? Но никто ие проявлял желания что-то менять. Стена молчания... Это потом стало очевидно, что страстные дискуссии о будущем страны ведутся попусту. Бдительно охраняемая от идейных противников, на деле партийная идеология отмирала. Как в Москве, так и в республиках СССР задавали тон беспринципные чинуши, — та самая каста, которая пустила на ветер плоды военной победы народа. Это ей достались, в основном, трофеи, жизненные блага и привилегии. Пытаюсь вызвать из памяти вереницу сменявших друг друга послевоенных «хозяев» Гродненской области, — региона с более чем миллионным населением. Не лица, — безжизненные маски. Соответственно подбиралась и их челядь. [...]

Мы жадно следили за событиями в «соцлагере» и замечали, что центр событий как бы смещается к западу. Сторонники смены политического курса явно перехватывали инициативу. Правда, нажим из Москвы усиливался, но неясно было, решатся ли в Кремле на применение силы. А словам пражские «реформисты» не поддавались. Вот мы и внушали себе, что смелость, мол, города берет, и тем смельчакам в Праге, может, что-то и впредь позволят ...

Этот настрой будоражил, сводил вместе людей в неожиданных сочетаниях. Остался у меня в памяти скромный «пикник» на неманском берегу с участием Быкова, Каршока, московского критика В. Оскоцкого, поэта Н. Гилевича. Говорили много о чем, спорили, но без раздражения, старались нащупать общее. Встречались тогда в разном составе, и бывали с нами литераторы — поляки, иногда даже появлялись румыны, чехи.

20 июня 1969 г. Председатель КГБ СССР Ю. Андропов направил в ЦК КПСС письмо, с содержанием которого я познакомился много лет спустя, по опубликованным в российской прессе фрагментам[36]. Вот один из них: «Комитет государственной безопасности Белоруссии располагает данными о политически нездоровых настроениях белорусских писателей — члена КПСС Карпюка и Быкова». Второй фрагмент: «Каршок нелегально распространяет среди своих знакомых различные пасквили в виде книги Гинзбург-Аксеновой «Крутой маршрут» и другие. Отрицательно воздействует на молодежь...» Третий фрагмент: «В настоящее время к Быкову проявляют повышенный интерес идеологические центры противника...» Окончание андроповского письма было таким: «Комитетом госбезопасности Белоруссии с санкции ЦК Компартии республики готовятся мероприятия, направленные на разоблачение возможных враждебных акций со стороны названных лиц».

Этими «названными лицами» являлись Карпюк, Быков и автор этих строк, в то время доцент, Б. Клейн, упоминавшийся в том же письме в качестве «отъявленного антисоветчика и сиониста».

Выходит, наша участь, о чем мы еще не знали, а только догадывались, — с того момента была предрешенной. Но по-моему, «конструкция» заведенного дела выглядела не очень солидно. Относительно проще было изболтать меня как еврея, так как антисемитская кампания в стране велась довольно интенсивно. Но как объяснить общественности крамольные поступки известных белорусских писателей-фронтовиков, а уж тем более их переход на чуждые политические позиции? В Беларуси, считавшейся идеологически «здоровой» советской республикой, требовались какие-то веские доводы для обоснования репрессий против таких людей. Эти доводы искали в биографиях...

Я не занимался сбором о Карпюке «оправдательных» документов, просто знал в течение многих лет, как и чем он живет. Мне есть что сказать об этом действительно незаурядном, разносторонне одаренном человеке, который был моим другом. Его образ мне не нужно вызывать в памяти, он является, как будто мы расстались вчера. Такой же улыбчивый, доверчивый до наивности, импульсивный, — «большое дитя», — говорили о нем и так. Все это бросалось в глаза, но глубоко сидела в нем забота.

Действовала, если так можно ее назвать, «компонента» сознания, двигавшая Карпюка навстречу ситуациям, опасным и для него самого, и для близких. Я бы не стал причислять Алексея к разряду симпатичных, но взбалмошных борцов против «зла». Он знал, против чего восставал.

Но не думаю, что он был враждебен ко всему советскому. Сам от природы добрый, он хотел верить, что новая власть установлена была для блага его земляков. Радовался переменам, сулившим хорошее. Помнил, что воссоединение белорусов произошло в составе СССР.

Важно иметь в виду другое: он вошел в советскую действительность, зная по личному опыту и иной образ жизни. Не вина Алексея, если сравнение одних порядков с другими не раз приводило его к горьким мыслям. А заморочить ему голову лозунгами было невозможно. Он не раз говорил о своей родине — православных крестьянах, белорусах не по одному лишь факту рождения, а по осознанному культурному выбору.

Для него «западники» — это были те, кого не подкосила коллективизация 1930-х, кто сохранили участки собственной земли (отца Карпюка даже причислили за это к кулакам). Ущемленные во многом на отсталых «всходних кресах» Польши, они все-таки выбирали в Сейм собственных белорусских депутатов.^[37] Читатели свободной прессы, забастовщики, ставившие условия хозяевам предприятий, батраки, получавшие в сто раз больше тогдашних советских колхозников, верующие, у которых все же не отнимали пастырей, — могли ли они смириться с потерей элементарных жизненных благ в обмен на обещания, цена которых была крайне низка?

Алексей к тому же учился в Виленской гимназии, он провел юность в центре культурно-национальной жизни и общественных движений четырехмиллионного региона. Мы много говорили с ним на эти темы, и я твердо знаю, что он не был

апологетом межвоенных польских порядков. Нов отличие от других, умалчивавших об этом, он не скрывал, что терпеть не мог тоталитарного строя. Ни в каких проявлениях и обличьях. То была в его глазах противоестественная система.

А как же с его принадлежностью к подполью Компартии Западной Беларуси?[38] Это очень непростой вопрос. Подобно многим белорусам и многим евреям, Алексей примкнул к подполью, когда была запрещена стотысячная Громада[39], когда на польских «кресах» резко сузились возможности легальной оппозиции реакционному, а отчасти профашистскому курсу правительства. Показателем перехода к этому курсу было и создание в 1934 г. возле Березы Картузской, — впервые в Польше, — концентрационного лагеря[40], комендант которого обучен был в нацистской Германии. Я знал многих, кто там сидели, и изучил весь архив концлагеря, через который власти «прогоняли» актив левых партий и профсоюзов. Тогда нарастало ощущение, что страну зажимают в «клещи» между нацизмом и большевизмом, и все труднее было понять, где выход. Это одно, но важно и другое — какой была в действительности атмосфера того подполья.

Конечно, из СССР вместе с деньгами и инструкторами поступали в КПЗБ и обязательные идеологические догмы. Но они вряд ли уничтожили там полностью вольномыслие. С конца 1950-х, когда приоткрылись засекреченные архивы, через мои руки как исследователя прошли тысячи судебно-следственных дел польских властей против сторонников КПЗБ. В их числе и дела Карпюков, — отца[41] и сына, Алексея, который мог тогда и не дожидаться своего пропуска в литературу. Как мог не стать народным поэтом Евгений Скурко, осужденный в Вильно в начале 1930-х к тюремному заключению по приговору, копию которого я ему передал в Минске тридцать лет спустя. А он, Максим Танк, потом подарил мне сборник своих стихов «Грайсці праз вернасць». Книга сейчас стоит у меня в США на полке, и в ней я читаю: «Пайсці мо ў краму і цвікі купіць, пілу з сякерай, ды перарабіць жыццё, каб зноў было магчыма жыць...»

А когда реабилитировать пожелали сталинизм, напоминаний о его преступлениях и жертвах рекомендовали не делать. О многом сокрытом от непосвященных я узнавал при встречах в Минске с Николаем Семеновичем Орехво[42], человеком необычайных способностей и трагических предчувствий, которые он имел и в отношении меня, когда я работал над кандидатской диссертацией. Во многом благодаря ему я смог разобраться в лабиринте подпольных входов и выходов, где неосторожных подстерегала дефензива, а с ней соревновалась агентура НКВД.

Как на первом этапе исследования, так и на втором, подготавливая докторскую диссертацию, я стремился к главному: увидеть в истинном свете и понять реальных людей, поставленных перед выбором: свобода или тюрьма, а порою и хуже того, — жизнь или смерть. Я подсчитал, что в межвоенном периоде в Западной Белоруссии по политическим мотивам было арестовано более 30 тысяч. Составленная мною уникальная картотека была основана на материалах 456 политических процессов,

включая многотомные дела Белорусской Громады, Змагання[43], ТБНІ[44]. Возникал как бы социальный портрет политически активной части населения. Около 75 процентов обвиняемых составляли белорусы, примерно 20 процентов были евреями. Иногда попадались поляки, литовцы. Надо сказать, что судили не за идеологию «коммуны», а за принадлежность к организациям, считавшимся «подрывными», поскольку они добивались воссоединения Западной Белоруссии с БССР. Это все тоже наша история, которую никуда не денешь. Хорошо, что уходим от прежних критериев и оценок, но событий никому не дано изменить.

Считаю, что хоть отчасти выполнил свой моральный долг перед многими, обманутыми в лучших побуждениях, подставленными под удары и «чужих», и «своих». Я различал имена, но видел за архивными документами целые поколения, поднимавшиеся на этой прекрасной земле к достойной жизни. Вместо нее они обречены были провалиться в небытие. Насколько мог, я стремился показать прошлое, каким его видели уцелевшие, вышедшие из подполья, из тех или других тюрем. Мне удалось подготовить к печати сборник их воспоминаний. Вряд ли это получится еще раз, ведь почти никого из них уже нет на свете. Я познакомился в Слониме с одним из героев политических баталлий конца 1920-х Павлом Крыньчиком[45], о судьбе которого знал по материалам дефензивы и судов. Последний оставшийся живым белорусский депутат сейма, он был настолько истощен физически и морально придавлен, что, по моему впечатлению, немного тронулся. Ни о чем толком не вспоминал, только невнятно бормотал: беда, мол, откуда столько шпионов? А те из бывших подпольщиков, кто не были посажены ни «первыми», ни «вторыми» Советами, кого и немецкие метлы не замели, даже напоминать о себе побаивались.

И вот с этой, близкой ему, но весьма подозрительной для власти средой Карпюк не только не порвал, но он даже с ней породнился. Его женой стала Инга Ольшевская, дочь одного из лидеров КПЗБ и Фейги Цигельницкой, видной подпольщицы еще реабилитированной тогда партии. [46]

Не замечал, чтобы Алексея «груз прошлого» как-то тяготил или удерживал от «резких движений». Он вел себя по-хозяйски, а если кого критиковал, то не взирая на лица и чины. Шумную известность, даже за пределами СССР принесла Каршоку его обличительная речь на съезде белорусских писателей 1966 г. Этой речи ему не простили никогда, ее поставили в один ряд с «подрывной пропагандой» пражских интеллектуалов. Но нападки только подстегивали его, усиливали энергию творчества.

[...]

Мы сблизились, продолжая оставаться разными, и каждый вел свой образ жизни. Ничего нет обидного, если Быкова »уподоблю трудолюбивому кроту. Он не просто уходил, а исчезал, чтобы на много часов или даже дней осесть в своем домашнем укрытии, — какое тогда имел. Лишь бы было тихо, лишь бы никто не мешал сочинять. Не припомню, чтобы он показал свои черновики, вообще рукописи.

Карпюк предпочитал заниматься в Доме Элизы Ожешко, где отвели комнату для Гродненского отделения Союза писателей. Тут он печатал на машинке, раскладывая

готовые страницы на столах. Отсюда мы отправлялись в «походы» по городским улицам. Алексей знал каждый закоулок. Таким его запомнили и полюбили многие: добрым странником, как будто подводившим итоги каждого дня.

А меня тянуло в окрестности. Я жил с ощущением, что чем больше вижу, тем меньше понимаю, что происходит вокруг. Конечно, я с волнением следил, как поднимается волнами, прибывает на смену уходящим новая, молодая жизнь. Я радовался осязаемому прогрессу, — кстати, неизбежному при каждом строе, желающем уцелеть.

Но ужасала психология советской элиты. Она вела себя так, как будто с нее началась история края. Она считала, что ничего не обязана восстанавливать и беречь, и избавлялась от наследия, как от брошенного, ненужного «чужого добра». [...]

Не было мира ни хижинам, ни дворцам. В начале шестидесятых не довелось нам с Каршоком отстоять бесценный заповедник, — часть улицы Ожешко, застроенную домами ремесленников, мастеров XVIII века. Тщетно мы протестовали, просили. Председатель Гродненского горисполкома Охрименко ответил командой: «Ускорить снос!» Один домик, правда, временно оставили. Он и пережил самого Охрименко, который так запутался в каких-то махинациях, что застрелился. [...]

После попытки исключить Карпюка из партии (редакционный коллектив «Гродненской правды» не проголосовал за эту меру), его сняли с должности секретаря областного отделения Союза писателей. Положение Алексея ухудшилось настолько, что ему буквально не на что было жить. Мы с Быковым его поддерживали, как могли.

23 октября 1970 г. я обратился с письмом в его защиту к Союзу писателей Беларуси, на имя М. Танка, В письме было сказано, что Алексей Карпюк уже много месяцев бедствует, почти без средств к существованию, а ведь он — глава семьи, с тремя детьми и больной женой. Подходящей работы ему не дают. «Обстановка вынуждает, — говорилось далее, — покинуть Гродненщину, к которой он прирос корнями и вдали от которой вряд ли сможет сохранить творческую активность».

В моем архиве сохранился ответ, написанный собственноручно М. Танком 30 октября того же года. «Паважаны Барыс Самуілавіч! — писал Евгений Иванович. — Я доўгі час быў у камандзіроўцы і таму не змог прасачыць, як абстаіць справа з Карпюком. Перад гэтым Міку-ловіч⁴⁷] (тогда первый секретарь Гродненского обкома партии. — Б. К.) запэўніў мяне, што Абком падшукае для яго работу... Хаця зазначыў, што каля дваццаці пасада прапанавалі Карпюку, і ён ад іх адмовіўся... Па лініі Саюза пісьменнікаў усе сродкі дапамогі матэрыяльнай мы выкарысталі... Насчет «20 пасадаў», якoby подобранных в Гродно для Карпюка — выдумка, ничего подходящего они для него не искали, не к тому шло дело.

По телефону нам делались анонимные предупреждения: «уничтожайте самиздат!» На всякий случай Карпюк «утопил» некоторые рукописи, а я избавился от статей из чехословацкой прессы. Быков же мрачно шутил: «Не беспокойтесь понапрасну, если они придут, то все принесут с собой».

6 мая 1971 г. Бюро Гродненского горкома, как говорится, «поставило на мне крест». Обвинения предъявлены были мне достаточно тяжкие, как следует из постановления Бюро: «Он (Клейн) подчеркивал необходимость борьбы против «сталинистов», против правящей группировки, которая как будто стремится возратить старые сталинские методы, утверждал, что якобы в партии образовались два крыла: «сталинистов-догматиков» и демократическое крыло творческой интеллигенции».

Действительно, с последним и отождествляли себя мы с Карпюком, то есть поступали так, как будто уже выделилось социал-демократическое течение, и нам дозволено было безнаказанно к нему принадлежать. Нечто подобное происходило тогда в Польше и Чехословакии, где оппозиционные силы прирастали «снизу», спонтанно увеличиваясь за счет примыкавших к ним групп. Но это не у нас.

Так думали мы с Карпюком, но Быков, надо заметить, не верил ни в какие «крылья» партии, говорил, что все одним миром мазаны, а если можно иметь дело, то лишь с отдельными людьми.

Позже оба, Василь и Алексей, написали в воспоминаниях, что мы искали общую линию поведения и пытались построить какую-то самозащиту. Верно, мы пытались, только возможностей отпора у нас почти не было.

Хуже того,— помнится, осенью 1971 г. Василь, до этого часто навещавший меня дома, поделился невеселой новостью: из КГБ ему конфиденциально посоветовали не поддерживать контакта с Клейном. Иначе, мол, того, совместно с Карпюком, подведут под статью о групповой антисоветчине. А наказание за это положено более суровое. Я ответил, что понимаю его положение: ничего иного и не остается. Мы простились с тяжелым чувством и разошлись в разные стороны. С этого момента наши встречи стали как бы случайными, разговаривать на людях мы избегали. Только и выпадало мне, что отвести душу с Алексеем, пока его самого не приперли к стене.

После увольнения с преподавательской работы я долго ходил без места. Потом меня «направили» на городскую овощную базу, предупредив, что никуда больше в городе не возьмут. Редакциям как будто не отдавали формального приказа меня не печатать — они сами знали, как поступать в этих ситуациях. Случайно я узнал, как в журнале «Полымя» обсуждали участь одной моей небольшой статьи. Сотрудники редакции приготовились было изъять ее из набора. Дело дошло до Максима Танка, и тот, якобы, с сарказмом отозвался: «Ен жа яшчэ не арыштаваны, а вы ўжо ... у штаны». Материал опубликовали, — хоть какая-то радость, но было видно, что ничего к лучшему не изменилось, скорее, наоборот.

Мы с Алексеем рассуждали примерно так. Исключать или не исключать кого-то из партии или из другой организации — это их дело. А вот лишение ученой степени и звания за неудобные кому-то взгляды — это вообще выходит за рамки цивилизованности. В каком-то смысле это даже подлее, чем бросить в концлагерь, потому что ученому как бы оставляют свободу, только духовно кастрируют. И я

сказал, что на рожон не полезу, но никогда в своей жизни не смирюсь с таким наглым варварством. Для меня теперь главное — заставить их вернуть отобранное.

Так оно и вышло, им пришлось вернуть мне все: через восемь лет. [...]

— Зачем вы вмешиваетесь? — спросил я у секретаря Гродненского обкома КПСС Григория Фомичева, — ведь я не лишен свободы, даже не давал подписки о невыезде. А поскольку все у меня уже отняли, значит, я вам здесь больше не нужен.

— Нет, вы нужны, — возразил тот, и я навсегда запомнил его слова. — Вы будете маячить на гродненских улицах, как тень. Чтобы все видели, какая судьба ожидает того, кто пойдет против нас.

А время работало против нас. Снова взялись за Алексея, — «план мероприятий» осуществлялся поэтапно. В июне 1972 г. Карпюк был решением бюро Гродненского горкома тоже исключен из партии, — но что примечательно, по обвинениям, совершенно не совпадавшим с предъявленными мне и непохожим на те, которыми шельмовали Быкова в печати. Против Карпюка же создали целое дело, распухшее от бумаг, якобы доказывавших, что в годы войны он не руководил партизанским отрядом, а его завербовали немцы, и он по их заданиям шпионил, внедрил в советскую разведгруппу агента гестапо и т. п.

Когда мы узнали про эти обвинения, то, как верно пишет Василь, версию о предательстве нашего друга не приняли. Сомнительными выглядели улики против него, и понятно было, что многое он без особого труда опровергнет. Кроме одного. Ему предъявили фотокопию страницы из немецкой финансовой ведомости концлагеря Штутгоф. И выходило по ней, что заключенный А. Карпюк трижды получал в лагере по 20 немецких марок, и каждый раз ставил в ведомости свою подпись. Алексей не оспаривал, подпись, похоже, была его, но только он не мог объяснить, откуда она там взялась. Этим то дело и осложнялось.

Когда Быков попытался замолвить слово в его защиту Кузьмину, то секретарь ЦК ответил: «Главное, там роспись за марки. А уж немцы зря денег не платили».

Я знал основных действующих лиц этой постановки, приближавшейся как будто к своему финалу. И прокурора Гродненской области Волоха, порядочного человека, который, изучив поступившие на Карпюка материалы, увидел, что тому грозит не менее 15 лет тюрьмы, и, по слухам, выразил обкому партии сомнение в обоснованности некоторых улик. И первого секретаря обкома Микуловича, причинившего нам столько зла, сколько обязан был и мог по своей должности, но будто бы распорядившегося отправить дело Карпюка на «доследование». По крайней мере, в этом он много позднее уверял людей «за чаркой», хотя Василь отнесся к его признаниям скептически.

Знал я и польского журналиста Олека Омильяновича[48], относительно которого мы по телефону получали анонимные предупреждения, что этот человек «подослан» спецслужбой, только не уточняли, какой: нашей или польской. Но именно он проник в Польшу в архив бывшего концлагеря Штутгоф, и там нашел подлинник той злосчастной немецкой ведомости, — оказывается, реестра денежных переводов

заклученным от их родственников. Эту-то специфику документа намеренно утаил дознаватель, изготовивший фотокопию без заголовка, чтобы создать видимость, будто немцы платили Карпюку за тайное пособничество.

Но на эти розыски уходило много времени, а Карпюка в любой день могли забрать. Был момент, когда Быков поверил, что Алексея наверняка посадят. И, по словам последнего, вывел такой итог: «Сидел ты в польской тюрьме, в немецкой, теперь упекут тебя в нашу. Обложили тебя со всех сторон». Даже договаривался Василь с московскими друзьями-писателями, чтобы спрятать Карпюка на время в психбольницу и хотя бы таким способом, через знакомых врачей, раздобыть ему «охранную грамоту». На это, правда, Каршок не пошел, хотя, по его же воспоминаниям, был близок к самоубийству. Это довольно необычный вариант «игры с психушкой», потому что на практике опасность оказаться там исходила от властей, и мне самому доводилось взвешивать такую вероятность.

Знали высокие начальники, что затея с немецкой ведомостью подстроена, или не знали — или, хотя и знали, но делали вид, что Карпюк виновен полностью, — до сих пор неясно. Так или иначе, подана была установка на полную дезинформацию общественного мнения. Без публикаций в печати, силами спецдокладчиков, лекторов и агитаторов населению давали понять, что замаскированная шайка раскрыта, а ее преступная деятельность пресечена. В передаче тех, кто лично слышали официальные разъяснения, суть дела преподносилась так. Изменник Родины Карпюк и сионист Клейн сумели обработать примкнувшего к ним Быкова, использовали его известность, чтобы очернять нашу армию и советскую действительность. Им платили за это деньгами ЦРУ (иногда фигурировали иные, экзотические источники финансирования группы, например, тайно «раскопанное» Клейном золото его отца). Так что юмор в этом деле тоже присутствовал. Но не преобладал.

Не вижу нужды доказывать, что именно Быков являлся лидером нашей группы. А те, кто игнорировали этот факт, притворялись. На деле они знали, кто есть кто. Не то лишь значимо, что ему поступала из Москвы почти вся литература «самиздата», которую затем распределял Карпюк, а собрав ее у пользователей, возвращал рукописи Василию. Иногда, правда, Алексей и сам кое-что добывал из Польши. Главное, почему мы убереглись от распада. Мы ощущали авторитет Быкова как писателя и испытывали влияние его мощной, доминирующей над обстоятельствами натуры. И не нужно забывать о главных его качествах, подменяя их правильным, но в сущности вторичным перечислением его добродетелей: терпимости, такта, уважения к чужому мнению и проч.

В апреле 1973 дело Карпюка рассматривалось на Бюро ЦК КПБ, и там долгое обсуждение завершилось не совсем банальным голосованием: двое были за исключение^[49], двое — против (Кузьмин и Аксенов), а П.М. Машеров воздержался, вследствие чего решение и состоялось в пользу Карпюка (ограничились строгим выговором). Не составляет труда увидеть логику противоборства и оценить значение его исхода. Ведь при тех условиях оставить в партии значило и сохранить человеку

свободу. Ибо не мог же коммунист одновременно числиться и в «гитлеровских прислужниках». Но если так поступили с одним из нас, то, выходит, в положении других тоже не предвиделось ухудшения.

За неимением достоверных сведений, не берусь судить, как и почему там, наверху подыскали адекватную форму разрешения весьма щекотливого дела. С таким расчетом, чтобы не угробить Карпюка, но вместе с тем, и не создать представления, что он получил «отпущение грехов». Конечно, не получил, — но все же ему дали передышку. Или он ее себе взял. Но не затем, чтобы «перестроиться» и порвать с прежним. Он был человеком упорным и верил, что еще дождется своего времени.

Мы все не теряли этой надежды.

Что скрывать, мы с Карпюком приняли перестройку хорошо и даже пытались соучаствовать в ней. Да и Быкову, перебравшемуся в Минск, вроде бы нравились некоторые горбачевские инициативы. Вдруг что-нибудь из них получится, — чем черт не шутит?

И черт пошутил.

Если память не изменяет, в 1987 г. нам с Алексеем пришло в голову нанести официальный визит недавно поставленному во главе Гродненского горкома партии секретарю-«перестройщику» Алешину (где его подобрали на эту роль, не знаю). Словно и не было прежде грозных вызовов в это самое учреждение, многочасовых кабинетных дознаний, беспощадных «оргвыводов»... Великое дело: вера. Или, скорее, доверчивость.

Приняли нас радушно: не как злодеев, «отмотавших» свои сроки, а как равноправных партнеров по общему делу. Будем, — говорил Алешин, — вместе вытаскивать страну из застойного болота. Такая увертюра обнадеживала, и мы достали свои бумажки. Алексей немало потрудился над писательскими предложениями. Мне же, теперь доценту университета, выпала честь говорить как бы от имени ученых. Итак, одни излагали, другие записывали.

Карпюк начал дипломатично: бесспорно, в системе народного образования наломано немало дров, но есть и успехи. Только положение с белорусским языком дальше терпеть невозможно. Приезжие люди вообще не разбираются, какая это республика. Если белорусская, то почему почти нет школ на родном языке, надписей, документов, как будто его запретили. Кому этот язык мешает жить?

Встреча имела продолжение. Атмосфера вроде не ухудшилась, но настораживало, что хозяева только и делали, что записывали за нами. Своего мнения не высказывали. Карпюк, уловив момент, шепнул мне: «Понесут все наверх».

Как бы для разрядки, я попросил объяснить один парадокс в общественном питании. На Советской улице была неплохая государственная столовая. Ее преобразовали в кооперативную, после чего обслуживание не стало лучше, зато цены подскочили в несколько раз. У людей возникает вопрос: есть ли смысл плодить кооперативы, которые не расширяют, а сужают и удорожают услуги? Кому это нужно, и к чему приведет?

Но церемонность наскучила Карпюку, и он обострил ситуацию.

Зачем, спросил Алексей, у вас на стене в Горкоме висит все тот же иконостас с портретами старых коммунистов? Эти ветераны сталинщины выедали нам печенки на парткомиссиях. Пора уже снять их и повесить что-нибудь другое, тогда поверят, что и у вас пошла перестройка.

На этом терпение начальства лопнуло. Поднявшийся из-за стола Алешин дал понять, что все ясно.

Недели через две я позвонил, чтобы узнать, какой все-таки итог. Некий инструктор объяснил, что изучать общественное мнение в горкоме намерены, но заниматься этим будут люди под руководством секретаря по идеологии. Они проконсультируются у меня, — в случае надобности.

Портреты заслуженных членов парткомиссий остались висеть на прежних местах. Для Алексея это был урок: перестройку всерьез не берут. Все делается с расчетом па проволочки. Только проболтают, ничего не меняя, пока в Кремле не утомонятся и не дадут команды: пошли назад. Этот довод звучал убедительно. Провал антиалкогольной кампании говорил за себя, ее просто высмеяли.

Мне не хотелось бы создавать впечатление, что мы там, в гродненской провинции, были проницательнее других. Нам тоже не удавалось понять, что же происходит. А будущее Беларуси окутано было более плотным туманом, местами и ядовитым.

К тому же группа наша с отъездом Быкова была уже не той. Но и тут все не просто. Василь живет в Минске, занят своими разнообразными делами, — но в какой-то момент, когда требуется его соучастие, защита от напасти, он с нами. Звонит, передает что-нибудь через людей, поддерживает через печать... Тому подтверждение — статья на целую полосу в «Литературной газете» по поводу новых гонений на Карпюка, начатых в 1989 г. На этот раз он вызвал их своими правдивыми воспоминаниям о коллективизации в Западной Беларуси. В ответ минский журнал «Политический собеседник» вытащил и пустил против Алексея те самые, давние обвинения.

«Создается вполне обоснованное впечатление, — говорилось в статье Быкова, — что собранный когда-то «компромат» вне зависимости от его достоверности тщательно приберегается «про запас», чтобы в нужный момент запустить его в дело. Как это явствует из истории с Карпюком, момент этот определяется не КГБ и не правоохранительными органами... Горком, обком, ЦК партии включают условный сигнал расправы, который тут же принимается к исполнению карательными органами».

В статье подробно рассказывалось о деле, созданном против нашей группы в начале семидесятых, когда молчал «задавленный страхом город», и неоткуда было ждать защиты ни Карпюку, ни Клейну. Может, и не стоило бы ворошить малорадостное прошлое. Но под бурные дебаты о перестройке и плюрализме мнений, не утихающие в столицах, провинция продолжает жить однажды и давно заведенным

образом. Все это, предупреждал автор, чревато многими последствиями даже для нашего перестроечного времени. Пророческие слова.

«Конечно, — писал Быков в заключительной части своей статьи, — мы слышим с детства, что сила добра одолевает злые силы и правда в конце концов торжествует. К сожалению, человеческая жизнь не беспредельна, и как быть, если самая большая ее часть, самая активная и трудоспособная часть отравлена злом и несправедливостью? В апреле Алексею Никифоровичу Карпюку исполняется семьдесят лет...»

У Алексея была природная особенность: он, если так можно определить, любил национальность в человеке. Естественно, всех ближе, роднес для него был настоящий, «шчыры» белорус. Но он, как я не раз видел, радовался, если мог сказать о собеседнике: «Oto prawdziwy Polak» («Вот настоящий поляк»). Беседу с интеллигентным евреем он ценил, но, говоря откровенно, больше его привлекала какая-нибудь местечковая личность: с характерной еврейской внешностью, с явным акцентом. Карпюку отвечали взаимной симпатией: с ним не нужно было притворяться.

Отсюда и его мечта, чтобы люди не стеснялись говорить на своих языках. Он не верил, что это поведет к разобщенности, — напротив, считал он, чем больше свободы слова, тем меньше причин для конфликтов. В общем, не зная этого термина, он придерживался американской концепции «diversity» («разнообразия»). Но здесь, в США, столько перекосов в этой сфере, что былой увлеченности идеей не ощущается.

По поводу очередных выборов, не помню, в какой орган, у нас с Алексеем зашла речь, что вроде бы в стране стало посвободнее, чем прежде. А наши люди сторонятся политики, по усвоенному с незапамятных времен, горькому опыту: свяжешься — не расплатишься. Мода на партии сюда еще не дошла, но, размышлял Карпюк, может пора создавать национальные объединения, их как будто терпят. Зачем? А затем, что когда-то надо же возвращаться в цивилизованную жизнь. Тут было много организаций, групп, различных движений, их запретили, разогнали, — от этого стало лучше? Попробуем начать с поляков.

Как историк, я отчетливо представлял себе глубину польской национальной традиции. Ведь больше ста пятидесяти лет они держались без собственного государства, под чужеземным гнетом, на этих своих чувствах, религии. Но то в Польше, а какая здесь обстановка? Католичество под подозрением. Старой польской интеллигенции нет, а новая еще формируется. Не забыты и сталинские депортации.

— Польша своим поможет, — говорил Карпюк, — само собой. А если у них выйдет, то и для белорусов будет лучше. Им нужен пример, чтобы зашевелиться.

Надеюсь, меня поймут правильно. Я не ручаюсь за точность каждого слова, однако смысл той нашей беседы и последующих на эту тему был именно таков. Что же до попыток представить дело иначе, то они были, и возможно, еще будут, но от этого реальность не станет иной. А она ведь не сводилась к планам. Совершались действия, которые имели последствия.

29 апреля 1987 г. Карпюк направил письмо М. С. Горбачеву, тогда генсеку КПСС, о дискриминации поляков в Беларуси (его фрагменты привожу в обратном переводе с имеющегося у меня польского текста). Мой друг писал: «Жизнь так меня сформировала, что поляки не имеют от меня секретов, что часто наши сердца бьются в унисон». В Беларуси, — напоминал он, — живет свыше 400 тысяч поляков. Они не имеют ничего из тех возможностей, которые предоставлены 180 тысячам белорусов в Польше: национальные школы, лицеи, кафедра в университете, издательства, газеты, фольклорные коллективы и т. п. Запрещена даже польская вывеска (есть лишь на белорусском и русском языках) на Доме-музее Элизы Ожешко в центре Гродно. ... Вообще эту тему у нас до сих пор считают «табу». То, что наши власти не замечают значительного числа поляков в БССР, упорный отказ от разрешения их национальных проблем — в наше время непростительно... Свое обращение я не адресую нашему руководству только потому, что мы, как бы там ни было, в провинции, а результаты перестройки, происходящей в стране, тут ощущаются еще слабо. По крайней мере, в духовной области. У меня такое впечатление, что у наших отдельных влиятельных особ еще доминирует принцип — держать, не пускать, не разрешать, подозревать и ничего не менять».

По истечении некоторого срока ему позвонил работник Гродненского обкома партии и сообщил, что проблему, поднятую им в письме М. Горбачеву, тщательно изучили в обкоме. Ее не существует, поскольку наши поляки никуда не обращались с просьбами обучать их детей на польском языке.

Этот ответ Алексей процитировал во втором письме М. Горбачеву, присовокупив такие комментарии. Корабль «Адмирал Нахимов» затонул не только из-за халатности капитанов, которых теперь судят. Он пошел ко дну также вследствие того, что полностью устарел и прогнил. Но на суде представители «Морского регистра СССР» оправдывались ссылкой: «Мы не имеем с этим ничего общего, ведь команда корабля не предъявляла никаких жалоб».

Затем автор письма генсеку пересказал анекдот, популярный в межвоенной Польше. Нерадивая служанка готовилась купать панских детей, но измеряла температуру воды не с помощью термометра, а следующим способом: просто ставила ребенка в ванну. Если он визжал, это означало, что вода слишком горячая. Тогда служанка доливала воды похолодней.

Письмо Карпюка, хотя и выглядело местами забавным, имело серьезный смысл и подтекст. Оно предупреждало Кремль, что нельзя доводить дело до появления новой «горячей точки» на карте все новых этнических конфликтов, а Беларусь, где национальной розни пока нет, необходимо оберегать от нее. Но нетрудно было догадаться, что второе обращение, скорее всего, постигнет участь первого. Поэтому я не удивился, когда Алексей, с присущей ему категоричностью, отдал неожиданное распоряжение:

Собирайся, едем в Сапоцкино.

Поездка намечалась в близлежащий районный центр, где компактно проживали поляки. Дорога заняла минут сорок, на окраине местечка друг попросил меня остановить машину и определил диспозицию:

Значит, так. Ты, как еврей, в дом ксендза ходить не должен — оставайся здесь. А я, как белорусский писатель, могу встречаться с каждым.

Вернувшись часа через два, Алексей поведал, что договоренность с ксендзом достигнута. Тот обойдет верующих и даст им понять, что бояться не нужно. Пусть посылают в Гродно и в Минск письма с просьбами открыть обучение детей на польском языке.

Аналогичные письма поступили «наверх» и из ряда других районов. Это обнадежило группу активистов польского просвещения, принявших свои меры. В 1988 г. возникло Культурно-просветительное общество имени А. Мицкевича, на основе которого в 1990 г. был создан Союз поляков Беларуси.

В Гродно до этого, с 1986 г. существовал культурно-исторический клуб «Паходня», ставший трибуной главным образом белорусской интеллигенции. Начал этот клуб с небольшого ядра, а приток членов его совпал с ростом польского объединения, и постепенно к ним присоединялась масса сторонников. Не припомню, чтобы между «Паходней» и Союзом поляков были какие-нибудь трения, тогда казалось, что места хватит всем, а дело общее. Не знаю, как это выглядит сейчас. Мы с Алексеем помогали тем и другим.

Ключевую роль сыграл Карпюк и в образовании в 1988 году Гродненского еврейского культурно-просветительного общества. Он был почетным гостем на организационном собрании этого Общества, членов которого ему пришлось немало уговаривать: собирайтесь вместе, вас никто не обидит. Ему-то люди поверили. Но исподволь многие тогда готовились к эмиграции: не видели впереди просвета и сомневались в будущем для своих детей, когда все ближе подступал общественный развал.

[...]

28 февраля 1989 г. в Народный суд Ленинского района г. Гродно было подано коллективное заявление с просьбой привлечь к уголовной ответственности за клевету гр-на Мендарева П. А. Парадокс в том, что Петр Андреевич еще недавно был первым секретарем Гродненского горкома партии.

Поводом к судебному разбирательству стала полученная мной информация. Вот ее текст, сохранившийся у меня: «16 февраля 1989 г. в Доме Политпросвещения на курсах повышения квалификации партийных, советских и идеологических работников Гродненского обкома КПБ выступил с лекцией «Партийная принципиальность, критика и самокритика, чувство ответственности» председатель комиссии партийного контроля при обкоме КПБ П. А. Мендарев. На втором часу лекции он заявил, что в руководстве культурно-исторического клуба «Паходня» имеются изменники Родины. Последовал вопрос лектору (П. А. Мендареву) от слушателя курсов Н. Н. Маркевича⁵⁰]: «Назовите конкретно, кого Вы имеете в виду»? П. А. Мендарев назвал

фамилию: «Вот, пожалуйста Вам, Карпюк». А дальше были названы фамилии Б. С. Клейна и М. А. Ткачева^[51].

Таков был документ, переданный нам и удостоверенный подписями пятерых слушателей тех самых курсов. Судьбы поставивших свои подписи молодых людей мне теперь неизвестны, — кроме одной. Ее знают и за пределами Беларуси — судьба Николая Маркевича.

Возвращаясь к событиям 1989 года, я должен сказать, что наше обращение к правосудию не было продиктовано мелочной обидчивостью. Мало ли что говорят за спиной? Но тут другое: нас открыто подводили под тюрьму. Отсюда и решимость не прощать обиды, общая для Карпюка, Ткачева и меня.

Заявление в суд было нами написано по всей форме: «Гр-н Мендарев вкладывал в свои высказывания политическое содержание, стремясь опорочить наше гражданское достоинство... Не остается сомнений, что Мендарев публично оклеветал нас». Со ссылкой на статью Уголовного кодекса БССР, мы просили привлечь его к уголовной ответственности.

16 марта 1989 г. судья Ленинского района города Гродно Л. К. Карих вынесла «определение», копии которого были вручены каждому из нас троих. В судебном документе говорилось, что в данном случае надлежит применить не часть 1, а часть 111 статьи 128 кодекса, поскольку гр-н Мендарев не просто оклеветал заявителей, он обвинил их в совершении особо опасного государственного преступления (измена Родине). А по делам о такого рода клевете должно обязательно производиться расследование прокуратуры. Посему, руководствуясь статьей такой-то, судья направила дело в прокуратуру Ленинского района. Вместо нее отозвалась областная прокуратура, куда мы, — Карпюк, я и Ткачев, — были вызваны на собеседование. Проводил его, — не знаю, где он теперь, — зам. прокурора Гродненской области А. И. Абрамович. Рассуждения его клонились к тому, что наши обвинения голословны.

— А как насчет письменного подтверждения пяти журналистов? — возражал Карпюк. — Разве этого недостаточно для возбуждения дела?

Прокурор парировал:

Допустим, за вас выступят те газетчики. А другая сторона выставит вдвое больше: десять секретарей парторганизаций уже поручились за Мендарева, что он ничего подобного не говорил. Кому верить?

Тому кто свой, — сказал Алексей.

Я попросил хозяина кабинета:

Вы все-таки дайте письменный ответ.

И он дал, но почему-то мне одному, как будто догадываясь, что у меня бумага не пропадет. Мне кажется нелишним процитировать резюме из нее: «Ввиду того, что Мендаревым П. А. не было распространено в отношении Вас заведомо ложных измышлений, соединенных с обвинением в совершении особо опасных государственных преступлений, оснований к привлечению его к уголовной ответственности не имеется».

Ткачев высказал мнение, что мы не имеем права промолчать, — хотя бы из уважения к тем ребятам, которые инициировали дело против клеветника. Они пошли на риск.

Московская «Неделя» опубликовала мою статью «Группа», перепечатанную затем в Минске газетой «Знамя юности». В этой статье я рассказал и о «предыстории», — событиях конца шестидесятых, с последующим продолжением, — и о новых нападках республиканской печати на Быкова и Карпюка, об угрожающих попытках сострять в Гродно уголовное дело против творческой интеллигенции, при полной беспринципности правосудия. Там у них, выходит, нет разницы во времени. «Вот о чем стоит подумать тем, кто «устал» от уроков прошлого».

Мы и сами ощущали усталость. Сколько можно было жить, таясь по углам, остерегаясь доносчиков, подвергаясь нападкам касты, цеплявшейся за власть и привилегии, и всех тех, кто делали ставку на ее монополию? У нас, наконец, появилась возможность протестовать в печати. Не считаю нужным следовать примеру тех, кто благодарит за эту возможность кого-то. Стоит ли бить поклоны? Мы получили жалкие крохи того, что причиталось народам, «умытым кровью»

Парадокс и трагизм истории в том, что независимость раздали, как векселя после полного банкротства, не обеспеченные ничем. Провозгласили то, за что еще требовалось бороться годами, и даже отдавать жизни, а иначе вообще не устоит независимое государство белорусов и тех, кто вместе с ними.

Может ли быть большая радость для некогда «запрещенного человека», чем хоть раз увидеть осуществление, — пусть отчасти, своих заветных замыслов? Мне дано было дожидаться такого момента, — счастливого мгновения, сказал бы старинный поэт.

Вольга ШПАТАВА ***УСПАМІНЫ ПРА АЛЯКСЕЯ КАРПЮКА***

Аляксей Карпюк — чалавек, які адыграў вялікую ролю ў маім жыцці... З чаго пачынаць успаміны пра яго? Канешне, з тага часу, калі ён, прачытаўшы мае першыя спробы пярэ ў «Гродненскай правде», прынесеныя Міхасю Васільку, выклікаў мяне на вуліцу Ажэшкі, дзе месцілася абласное аддзяленне Саюза пісьменнікаў Беларусі.

Ісці давялося зусім недалёка: каб гіатрапіць да пісьменнікаў, трэба было толькі перайсці мост, бо дзіцячы дом № 1, дзе я тады жыла, зна- ходзіўся якраз пасупраць дому Элізы Ажэшкі — так што ўзімку можна было проста скаціцца з гары і, пераскочыўшы праз раку Гараднічанку, якую дзетдомаўцы называлі Вашочкай, ускараскацца якраз да аддзялення, якое дзялілася гэтым пісьменніцкім дамком яшчэ і з бібліятэкай.

Нядаўна ў нас адабралі гэтыя два пакоі — і неверагодным здаецца не сам факт вытурвання пісьменнікаў з дома, дзе яны некалькі дзесяцігоддзяў запар ладзілі розныя сустрэчы, імпрэзы, дзе пачувалі сябе часам лепей, чыму сваім жытле... Неверагодным мне здаецца тое, што ТАМ ужо няма таго духу вольнасці, роўнасці, разняволення, якое дало мне сілы выкараскацца з савецкага духу рабства і які цяпер

у се часцей называюць аўрай. А можа, варта было б застацца адной ў тых пакоях, і я зпоў адчула б яе, тую непаўторную аўру, якую ствараў менавіта ён, Алякссій Пічыпаравіч?!

Я памятаю сваё першае ўражанне ад яго магутнай посаці, ад тых камандзёрскіх інтанацый, з якімі ён адразу ж пачаў гаварыць з пягнац-цацігадовай дзяўчынкай, быццам убіваючы мне ў галаву:

Пішаш нядрэнна, Оля. Але каб стаць пісьменніцай, трэба многа, вельмі многа працаваць!

Божа мой, якой там пісьменніцай! Я накрэмзала колькі там вершы-каў, слепа падпарадкоўваючыся уладнай сіле творчасці, але крэмзала іх хутчэй бяздумна, і тым болей не будавала ніякіх там планаў на будучае!

Мы табе дапаможам. Ці ўмееш ты выступаць?

Я збянтэжана прачытала вершык.

Добра! Інтанацый у цябе не хапае, але гэта можна паправіць. Значыць, я пагавару наконт цябе «наверсе». Ідзі! Не, пачакай!

Ён затрымаў мяне, каб уціснуць у далонь колькі шакаладных цукерак. Я слаба паспрабавала прычыць — але хто мог запырачыць Карпюку!

У чым заключалася таямнічае абяцанне «пагаварыць наверх», я зразумела праз які тыдзень, калі пакутліва сядзела на ўроку алгебры і спрабавала зразумець нейкае ўраўненне. Шырока расчыніліся дзверы, Карпюк узнік на парозе і, паклікаўшы настаўніцу, нешта коратка растлумачыў ёй, а пасля скамандаваў:

Оля, на выхад!

Выхад» той быў паездкай у Сапоцкіна, у школу, на выступленне. У «газіку» ехалі Васіль Быкаў і Данута Бічэль. Я прачытала ў школе свае вершыкі, і назад мы ехалі ўжо як бы «камандай». Мяне нават падвезлі да самага дзетдому, дзе ніхто не зрабіў мне аніякай заўвагі за доўгую адсутнасць.

Колькі такіх паездак было пасля! Карпюк умеў і любіў іх арганізоўваць. І самымі яркімі старонкамі маіх школьных успамінаў заставаўся якраз тыя хвіліны, калі на сумным уроку расчыняліся дзверы, і Карпюк дзелавіта, амаль адразу павярнуўшыся назад і спяшаючыся, камандаваў:

Оля, на выхад!

А я амаль бегла за ім і радавалася, што не буду ісці ў сталовую пад піянерскія спевы і «речёвку», што змагу пасля прыезду не адразу кіравацца ў дзетдом, а трохі пастаяць пад ліпамі ля Гараднічанкі, паглядзець, як ліхтары адбіваюцца ў чорнай вільгаці маленькай рэчкі і адчуць, як салодка пахне ладанам з адкрытых дзвярэй царквы, якая была у двух кроках ад дома Ажэшкі і педінстытута імя Янкі Купалы.

Пасля выгіска веча Карпюк званком зноў выклікаў мяне ў аддзяленне.

Куды збіраешся паступаць? — запытаўся коратка.

У тэатральны.

У тэатральны. Значыць, хочаш быць актрысай?

Хачу! — сказала я горда.

Ён прайшоўся па пакойчыку. Засмяўся:

Хочаш нябось іграць Джульет і «Бяспрыданніц»?

А што тут такога?!

— А будзеш іграць чарапашак Тарціл! Ды ты паглядзі на сябе. Ты ж маленькая, трапіш пасля толькі ў Тэатр юнага глядача! А ты пішаш вершы! Вершы!

Я назаўсёды ўдзячная Аляксею Нічыпаравічу, што ён выбіў з маёй галавы гэтую мару ўсіх правінцыйных Папялушак — быць актрысай. Пісьменнік сам стварае свой свет, і ён у ім уладар. А ў тэатры ўла- дар — рэжысёр. Ды і здольнасці мае да тэатру нават у самым звычай- ным жыцці, як я не раз пераконвалася — надта ж пасрэдныя...

У тым жа 1961 годзе я паступіла на рускае аддзяленне Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту. Мне было шаснаццаць гадоў, і разам з Рыгорам Семашкевічам мы былі самымі маладымі студэнтамі БДУ.

На дзённым аддзяленні я вытрымала толькі два з паловай курсы. Было надта цяжка без аніякай дапамогі, я два разы губляла прытом- насць, калі збірала грошы з маленькай сваёй стыпендыі на жаданыя пантофлікі, якія, зрэшты, так і не купіла. Таму ў 1963 годзе я перайшла на завочнае аддзяленне і пераехала ў Віцебск, да цёткі Зіны. Як ні ха- целася мне ў Гродна, але ж там не было дзе нават спыніцца. Дзетдом назад не прымаў, тым болей што яго расфарміравалі ў школу-інтэрнат і перавялі за Неман, а ў нашым былым будынку размясцілі турысцкі клуб.

З Карпюком я пабачылася голькі ў 1965 годзе, калі ён наведаў Віцебск.

Дурніца, што не напісала мне! Я б нешта прыдумаў! — былі ледзь не першыя ягонья словы.

А што вы можаце прыдумаць? Я і ў Віцебеку ледзь прапісалася...

О-о-о, ды ты стала песімісткай! Калі хочаш у Гродна, кажы!

Канешне, хачу!

То чакай!

Я загарэлася надзеяй. Ужо ведала — Карпюк проста так не кідае абяцанкаў. І праўда—месяцы праз тры ён мне патэлефанаваў:

На лета я знайшоў табе працу ў лагеры, будзеш піянерважатай, а восенню пойдзеш гірацаваць у школу.

І я пераехала ў горад свайго дзяцінства

Гэта таксама вялікая паласа майго жыцця: першая кватэра, шлюб, нараджэнне сына... Але гаворкатут — пра Аляксея Нічыпаравіча.

Першае, з чаго ён пачаў у Гродне, было:

Ты сабрала кніжку вершаў?

Я і не думала пакуль пра кніжку. Хаця на першай жа сустрэчы студэнтаў ва ўніверсітэце больш вопытны і сталы Эдуард Зубрыцкі запытаўся ў нас з Рыгорам Семашкевічам: «А ці гатовая кніжка?» У мяне да таго часу назбіралася, можа, пяцьдзсят больш-менш вартых вершаў. А трэба было нашмат болей.

Дык садзіся і друкуй усё, што ёсць, а там паглядзім! — тут жа вызначыў маю праграму на бліжэйшы час Карпюк.

Тады я так і не села збіраць свае вершы. Паехала адразу ж у піянер-скі лагер, дзе мяне (я ўжо мела чатыры курсы філфака БДУ) прызначылі старшай піянерважатай. З дзецьмі я заўсёды ўмела ладзіць — праводзіла там розныя літаратурныя фэсты, водныя заплывы.

Плаваць я любіла і ўмела. Яшчэ ў дзетдоме мы спаборнічалі — хто больш разоў пераплыве Нёман, не кранаючыся дна? І тут у лагеры, дзе густы сасновы пах бору над Нёманам, здаецца, цёк па жылах, я пражыла паўтара месяца.

Мне было добра тут, ля горада майго дзяцінства, куды я на выхадныя прыязджала, каб пахадзіць па вуліцы Замкавай, паглядзець на старадаўнія кляштары і пасядзець на лавачцы ў парку.

Лета яшчэ было ў самым разгары, калі Аляксей Нічыпаравіч сам прыехаў у лагер:

Я знайшоў табе іншую працу. Будзеш працаваць не ў школе.

А дзе ж?

Ён зрабіў эфектную паўзу:

У гаркаме камсамола.

І, не слухаючы ніякіх прэрэчанняў, цвёрда заявіў:

— Там табе і кватэру хутка дадуць, і палітграмаце навучышся. Я ўжо гаварыў з Нінай Нерат. Яна харошая дзеўка, не дасць цябе ў крыўду.

Маё зацвярджэнне ішло нялёгка, але «ціск» Карпюка быў вялікі, абласное кіраўніцтва часам ішло яму на розныя саступкі, і ў рэшце рэшт 1 чэрвеня 1965 году мяне залічылі ў камсамольскі штат гораду.

Гаркам месціўся ў самым маляўнічым месцы гораду — Новым замку, які гіраз мостзлучаўся са старым, пабудаваным яшчэ Сцягіанам Батурам.

Зноў жа скажу — гэтая праца дала мне многае. Перш за ўсё, яна прывучыла да нунктуальнасці: я і дасюль амаль ніколі не спазняюся на прызначаныя сустрэчы ці мерапрыемствы. Па-другое, я адразу ж паспытала той улады (хаця япа была нікчэмнай у параўнанні з больш высокімі прыступкамі), якая кружыць нязлічаныя галопы чалавецтва. Са мной, простым інструктарам гаркама камсамола, пачціва гаварылі і нават у нечым апраўдваліся дырэктары фабрык (напрыклад, чаму на табачнай ў камсамол уступіла не столькі, колькі там было запланавана), чаму ў іх нсйкі гам камсамалец учыніў злачынства і г. д. Ва ўсе пазнейшыя часы, калі я ўжо зрабіла свой выбар, кар'ерная прыступка для мяне заўсёды была толькі магчымасцю службы беларускай справе і нешта рабіць для Радзімы — той, якую я спазнавала менавіта ў тыя юныя гады...

Я рабіла ўсё даручанае з вялікай сур'ёзнасцю, так што мяне неўзабаве «павысілі»: я стала працаваць у абкаме камсамола загадчыцай секгарау культурна-масавай работы, а значыць, больш ездзіць па камандзіроўках і зпаёміцца з вобласцю. Гэта было падзвычай цікава яшчэ і тым, што ў камсамоле ў гэтыя часы працавала шмат разумных, таленавітых людзей. У самім абкаме разам са мной працаваў, напрыклад,

Павел Шаўчук, які пасля напісаў паэму «Як мяне адваджвалі адталакі» (праўда, пад псеўдапімам).

А тым часам літаратурнае жыццё ў Гродне віравала: праводзіліся літаратурныя аб'яднанні пры газеце «Гродзенская правда», дзе працаваў малады літкансультант Васіль Быкаў, да якога вялікая літаратурная слава прыйшла з надрукаваннем ў Маскве яго «Трэцій ракеты». У Гродне да гэтага часу толькі гірызвычайваліся, як прызвычайваліся і да тага, што ў Зэльве «праявілася» сваімі вершамі, якія стала магчымым друкаваць, Ларыса Геніюш.

Не буду сцвярджаць, што менавіта Карпюк дабіўся ейнага друкавання — я ўсё ж была занадта маладая ў гэтай гасподзе і многага проста не ведала. Але менавіта ён упершыню павёз нас, гродзенцаў, да Ларысы Антонаўны, і гэтае знаёмства канчаткова перакуліла той свет, да якога я пачала пільна прыглядацца яшчэ з часоў ХХ з'езда КПСС. Тады ж я даведлася пра БНР і ролю ў ёй Геніюш. Узаемаадносінны Ларысы Антонаўны і Аляксея Нічыпаравічаў розныя гады складваліся парознаму, што можна прасачыць па ейных лістах рознага часу. Але я думаю, што А. Карпюк рабіў усё магчымае, што можна было зрабіць для яе ў тых хамскіх, бязбожных варунках, якія склаліся вакол Л. А. у Зэльве і вышэй.

Адразу скокну да 1982 году, калі ў ноч перад пахаваннем гэтай вялікай дачкі беларускага пароду мы з Адамам Мальдзісам, якія прыехалі ў Зэльву ад Саюзу пісьменнікаў, гутарылі там з Карпюком. Мы ехалі туды з Міпску ... праз Гродна (дзе ў абкаме партыі нам загадалі не дагіусціць пахавання Геніюш па царкоўным абрадзе, чаго мы, канешне, і не думалі выконваць), вярталіся ў машыне, дзе сядзелі ўсе разам, у тым ліку і з Юркам Геніюшам і ягонай жонкай). Юрка гаварыў з Карпюком груба, адразу пасля вітання заявіўшы, што вось нам з Мальдзісам ён давярае, бо маці заўсёды казалі пра нас добра, а іншым (гэта быў ківок у бок Каршока) тут знаходзіцца не варта...Гэта доўжылася ўсю дарогу, пасля яшчэ і яшчэ, і ўрэшце Карпюк не вытрымаў. Мне было невыказна шкада яго, калі ён спачатку яшчэ браўся даказваць Юрку, што нічога не мог зрабіць з зэльвспскімі барбосамі, якія на гародчыку паэткі, дзе заўсёды цвілі вярціні, паставілі гарадскую прыбіральню (перад тым адабраўшы ад яе палоску зямлі. Там, дарэчы, і сёлета сцяной стаіць бур'ян). Мы спрабавалі ўціхамірыць Юрку, але дарэмна... І цяпер стаіць у вачах твар Карпюка, на якім ці не ўпершыню я пабачыла нсшта падобнае да слёз...

Але вярнуся ў 1966-1973 гады. Мы паранейшаму шмат ездзілі на выступленні. Самае, бадай, запамінальнае — паездка ў Брэст, дзе мы выступалі ў педінстытуце і дзе я наоў пазнаёмілася з Уладзімірам Калеснікам. Кажу «наоў», таму што ён разам з маімі бацькамі быў у адным партызанскім атрадзе, і, як жартаваў на сустрэчы, «бачыў Олю Іпатаву яшчэ да нараджэння», г. зн. калі мая маці была цяжарнай.

Неўзабаве і другі раз, на больш сур'ёзным узроўні, узнікла думка пра маю першую кнігу. Я ўжо добра разумела, што яе трэба нарэшце скласці.

Друкаркі ў мяне, канешне, усё яшчэ не было. Пазычыла яе Данута Бічэль, якая з маіх дзетдамаўскіх гадоў добра мною апекавалася. На ейнай друкарцы спачатку

адным пальцам, а потым усё хутчэй стала я друкаваць свае вершы. Данута мне дапамагала, рэдагуючы і пад казваючы, як і куды лепей паставіць слова, і нават дапісала канцоўку верша «На Нарачы»:

Цікуюць сосны, стаўшы на дыбкі, Як плешчуцца ў хвалях чырвоныя рыбкі...

Рукапіс гэтай кніжкі, названай мною «Раніца» (пазней мне прыпі салі атаясамленне яе з назван газеты, якая выдавалася ў часы вайны) Карпюк сам павёз у выдавецтва і паказаў Петрусю Броўку. Броўка прыслаў мне ліст з прапановай дапоўніць кніжку вершамі, бо іх сап раўды было малавата. Пасля працы я хадзіла між замкамі — Старым і Новым — і радкі самі сабой нараджаліся — пра вуліцу Замкавую, пра Каложу...

Карпюк час ад часу забягаў да мяне на працу: «Як жывеш, што патрэбна?» — і тым як бы падсцёбваў мяне. Я разумела — ён столькі ўжо апякуецца мною, гэтая кніжка патрэбная і яму як сакратару Гро дзенскага аддзялення Саюза пісьменнікаў. Адчувала сябе яму моцна абавязанай: ён так шчасліва вырашыў мае жыццёвыя праблемы — я мела працу і ўсё большы блізкую надзею на кватэру ў самой Гародні!

Кватэру я сапраўды атрымала — ужо ў 1968 годзе, перад самым на раджэннем сына. Да таго часу я стала разумець, што доўга ў камсамоле не пратрымаюся: усё там, як у складніку савецкай сістэмы, пярэчыла маім уяўленням пра праўду і справядлівасць, хаця, паўтаруся, самі па сабе людзі там былі мне пераважна прыемныя і яны таксама ставіліся да мяне няблага.

Аляксей Нічынаравіч асцерагаўся гэтай установы. Цяпер я магу зразумець тое, што мяне тады часам страшна раздражняла: не каб спа койна прыйсці, сесці на крэсла і пераказаць што трэба! Заместгэтага ён, на імгненне зазірнуўшы ў кабінет і жэстам паказаўшы, каб я выйшла, спыняўся за вуглом Старога замка і таямніча паведамляў:

— Заўтра ў аддзяленне прыйдзе сакратар абкама! Каб была, глядзі!

Звычайна за тым вуглом свісцеў вецер — вышыня, рака ўнізе. І я казала:

Ну і што гэта за сакрэт? Нашто было сюды ісці?

Нічога ты не разумее! Зялёная яшчэ!

І гэтак жа таямніча знікаў, а я ішла назад, ужо смеючыся — надта ж забаўнай здавалася гэтая гульня ў канспірацыю!

Аднак ён ведаў больш, а менавіта: што ўсе мы былі пад пільным кантролем адпаведных органаў, і чым менш яны ведаюць, тым лепей. Да таго ж, было што і хаваць: мсавіта Карпюк даваў мне чытаць замежныя выданні, Салжаніцыпа, эмігранцкі друк — усё тое, за што можна было і «схлопотать».

Дарэчы, якраз у гэтыя гады было адно здарэнне, якое таксама ака залаўплыў на мае жыццё. Нас, пісьменнікаў Гродзеншчыны, запрасілі ў Вільню. Ехалі В. Быкаў, А. Карпюк, Данута Бічэль, здаецца, Валянцін Чэкін і я. За тыдзень да той паездкі да мяне зазірнуў нейкі чалавек. Ён паказаў пэўнае гіасведчанне, доўга расказваў мне, якую адказнасць як паэт я нясу перад народам, а пасля як бы між іншым нагадаў:

Вы собираетесь в Вильнюс. Так вот, вы как комсомолка должны нам помочь: постарайтесь запомнить, о чем будут говорить с литовцами Василий Владимирович и Алексей Никифорович...

Я разгубілася. Адмаўляцца было немагчыма. Але ў той жа вечар, узяўшы з Карпюка слова, што ён захавае гэта ў сакрэце, я расказала яму пра нечаканае «даручэнне», а па вяртанні адгаварылася тым, што ні аб чым «такім» іашыя пісьменнікі з літоўцамі не гаварылі.

І трэба ж было, каб праз дватры месяцы, выступаючы на адкрытым партыйным сходзе, Аляксей Нічыпаравіч закончыў свае выступленне тым, што публічна абвінаваціў адпаведныя органы ў назіранні за творцам! і скончыў словамі (як мне пасля перадалі):

Вы ўжо і маладых паэтак, як вось Олю, прымушаеце станавіцца такімі, як вы! Наімо з самага пачатку псуеце ім жыццё ?

І за гэта я ўдзячная Аляксею Нічыпаравічу — больш да мяне ніхто і ніколі не падыходзіў, так што не давалося мне пасля, як А. Емяля наву ці С. Адамовічу, публічна вінаваціцца ў тым, што не змаглі, не выстаялі...

А вось пра іншую сітуацыю ён апавядаў мне сам, прычым ў гумарыстычнай форме пасля гэтага іншым расказваў пра яе Васіль Быкаў.

Было гэта ў час рэспубліканскага семінару творчай моладзі восенню 1970 г. Я нажыла сабе вялікую непрыемнасць: адмовілася ад Ганаровай граматы ЦК ВЛКСМ, якую мне павінны былі ўручыць у канцы гэтага семінару. Было нас гіяцёра маладых, хто ведаў аб будучых узнагародах, і мы вырашылі абставіць гэтую адмову гучна: заявіць тым пратэст супраць русіфікацыі і супраць рэпрэсій ў БДУ (тады якраз выключылі з універсітэту А. Разанава і В. Яраца). Так сталася, што першаю выклікалі мяне, і я зрабіла так, як мы дамаўляліся. Але іншыя — спалохаліся. Быў вялікі скандал, калі сакратар ЦК ЛКСМБ Анціпаў пакінуў нават традыцыйны банкет, бо мяне не выгналі, як ён, відаць, спадзяваўся, ні з Дому творчасці, ні з Саюзу пісьменнікаў.

Карпюк, які гэтай ноччу ехаў у цягніку на сустрэчу з загадчыкам аддзела прапаганды С. Паўлавым, нічога пра гэта не ведаў. І таму, калі Паўлаў адразу накінуўся на яго за ідэалагічныя хібы гродзенскіх пісьменнікаў і пры гэтым закончыў: «А тут яшчэ гэтая Вашая Іпатава!», Аляксей Нічыпаравіч бадзёра адрапартаваў:

А што Іпатава? Маладая паэтка, цалкам знаходзіцца пад маім уплывам!

Яно і бачна! — закрычаў ідэолаг, і перцу, якім ён пасля доўга пасыпаў беднага А. Н., мабыць, хапіла б на ўсе сталоўкі не толькі Гародні, але й Мінску...

Калі ж па гэтай справе ў Гродна была адпраўлена адмысловая камісія Саюза пісьменнікаў, ён, як не раз расказваў В. Быкаў, сустрэў старшыню камісіі А. Алешку такімі словамі:

Як ты згадзіўся паласкаць гродзенскіх пісьменнікаў, то руку я табе не падам — бо не паважаю.

Але як старшага ад Саюза пісьменнікаў, па службовай неабходнасці я павінен цябе сустрэць — то давай павітаемся!

Разам з ім мы пасля пісалі ТЛУМАЧЭННЕ, якое Алешка і камісія гіавезлі назад у Мінск. Там гэтую справу хутка «патушылі» М. Танк і І. Шамякін. Аднак у Гародні мяне паспрабавалі выключыць з камсамола, што аўтаматычна пазбаўляла мяне працы на тэлебачанні, дзе я ўжо працавала.

Дарэчы, пераход на іншую працу ці, дакладней, мае ўцёкі з абкама камсамола Аляксей Нічыпаравіч разумеў. «Не магу!» — казалася я яму. «Мяне нядаўна паслалі на сход у аблпраект, дзе камсамольцы павінны выключыць з камсамолу дзяўчыну затое, што яна... жылаз французам! Я не магу ўдзельнічаць у гэтым!»

Ён разумеў. Але на сваю другую гірацу ў Гродна я ўладкоўвалася ўжо сама — займсла немалы аўтарытэт як аўтарка зборніка вершаў, і таму на тэлебачанне мяне ўзялі ахвотна.

Калі мяне адпусцілі з абкама з фармулёўкай «Звольніць у сувязі з нараджэннем дзіцяці», я была проста шчаслівай. Новая творчая праца, знаёмствы, спаталенне прагі болей ведаць пра гісторыю Гродзеншчыны, пра яе барацьбу за беларускасць і за свабоду...

Гэтаму не перашкаджала і нараджэцтва сына. Дарэчы, мне дапамагалі ўсім аддзяленнем: Данута Бічэль аддала каляску свайго Валеркі, Аляксей Карпюк і Васіль Быкаў прыйшлі ў адведзіны і прынеслі грошай.

Памятаю, як яны рапгоўна, без званка, пастукаліся ў дзверы. У кватэры быў страшэнны беспарадак: сын у мяне нарадзіўся з вывіхам тазасцегнавых суставаў, я амаль не спала па начах, а муж быў на працы. Было няёмка, але абое яны мяне сусцешылі і падбадзёрылі. Патрымалі адзін за адным на руках Руслана, пажадалі яму быць добрым беларусам (пра гое, як ён спяваў два гады беларускія песні, узгадвае ў адным з лістоў Ларыса Геніюш). І вось дзіва: сын, які да таго крычаў бесперастанку, раптам супакоіўся, сцішыўся і адразу заснуў. Я прапанавала гарбаткі, але яны, мабыць, пашкадавалі маіх высілкаў і хутка пайшлі, а я, ледзь толькі за імі зачыніліся дзверы, адразу ўслед за сыпам правапілася ў сой і спала разам з ім амаль да вечара.

Шмат можна ўзгадаць розных выпадкаў, звязаных з нашым аддзяленнем і асобай А. Карпюка. Аб тым, як нам тады жылося, напісалі вершпародыю маладыя і гарэзныя А. Вярцінскі і П. Макаль. Я прыводзіла яго ў сваіх «Мемуарах» на «Свабодзе», але тады не ведала, хто аўтары, хаця і памятала тыя радкі напамяць. Высветліла ж аўтарства зусім нядаўна, калі разам з А. Вярцінскім ехала з Зэльвы, дзе пад дажджом (не знайшлося памяшкання!) мы святкавалі 95годдзе Ларысы Геніюш.

Тут штодзень дыміць азотнатукавы, Копець індустрыі несучы. Тут штодзённа Быкава застуквалі Абласнога рангу стукачы. Тут Бічэль з Іпатавай сварыліся, і такія словы гаварыліся: «Не хадзі да Карпюка, Іпатава, Не адна ты ў яго сімпатыя!» Тут за праўду на агонь пякельны, Быццам трапяткога шчупака, Цягнуць на гарачую патэльню, Смажаць Аляксея Карпюка.

Нядаўна ў лістах Ларысы Антонаўны я прачытала, што Данута была страшэнна абураная тымі чатырма радкамі пра нашыя нібыта сваркі зза Карпюка. Не было ніякіх сварак — гэта, канешне, хлопцы дадалі, як гаворыцца, дзеля каларыту. Я ўвогуле і не магла абурацца: Аляксей Нічыпаравіч быў заўеёды для мяне як бацька, а Данута — як старэйшая сястра, і я ўсіх іх, уключаючы Васіля Уладзіміравіча, страшэнна любіла, захаплялася імі. Я ў свой час успрыняла тую страфу як прызнанне сваёй нейкай даросласці, нібы я раблюся хоць крыху роўнай ім —хаця б у гэтых жартоўных радках....

Дарэчы, хацела б я ўзнавіць у памяці і верш, які Данута Бічэль чытала на 60годдзі А. Карпюка і які заканчваўся выдатным, як на мой погляд, азначэннем яго асобы:

Карпюк магутны, нібы зубр,
Які пасецца ў запарку.

Запаркам для гэтага магутнага зубра была ўся нашая рэчаіснасць. З аднаго боку — ў савецкай улады было як бы прызнанне аўтарытэту пісьменнікаў. І з нашым абласным аддзяленнем лічыліся: пісьменнікаў заўсёды запрашалі на розныя гарадскія і абласныя ўрачыстасці, ім у абыход чаргі давалі кватэры. З другога боку, існаваў заўсёдны нагляд, рэгулёўка дзейнасці і імкненне абмежаваць творчасць жорсткімі рамкамі дазволенага. Вось на гэтым і палягаў асноўны канфлікт Карпюка з уладамі — ён рэзаў «праўдуматку» у вочы, а гэта не падабалася.

Яго цкавалі ў Гродне, можа, не так жорстка, як Ларысу Геніюш у Зэльве: усёткі быў ён кавалер ордэна «Віртуці мілітары», заслужаны партызан, аўтар многіх славетных на Гродзеншчыне кніг, такіх, як «Данута» і «Вершалінскі рай». Адпак хто можа штосьці параўноўваць у такой справе, як цікаванне? Тым болей такое, якое абрынулася на яго — выключэнне з партыі, абвінавачванне ў супрацоўніцтве з немцамі — з пачатка да канца сфабрыкаванае, пасля скінутае з яго, як быццам нічога і не было.

Але было, было! Быў сжаўцелы ягоны твар, калі ён прыезджаў у Мінск, хадзіў па інстанцыях, нешта даказваў. Адночы не вытрымаў, сарваў свой настрой пры нашай сустрэчы ў Доме літаратара: «Па выезджалі ў Мінск, кар'еру робіце, і пляваць вам на Гродна!» Мне было балюча, бо Гродна я змушана была пакінуць — пасля гісторыі з адвергнутай граматай ЦК на Гродзенскім тэлебачанні, дзе я працавала, да мяне чапляліся з бесперапыннымі прыдзіркамі, аднак я разумела ягоны стан. Ды і хіба можна было на яго крыўдзіцца ў такі горкі час? Памятаю, што кіраўніцтва Саюза пісьменнікаў спрабавала неяк палепшыць сітуацыю, але ўдалося гэта не хутка.

Думаю, што і без мяне нехта абавязкова апіша, узгадваючы Аляк сея Нічыпаравіча як мужанага барацьбіта, той уплыў і аўтарытэт, які ён меў у пісьменніцкім асяроддзі. Сапраўды — у час самых сумных пленумаў і сходаў, варта было толькі аб'явіць, што выступае Карпюк, як іранічныя пісьменнікі, што дымілі ў калідорах і з'едліва каменту вальі прамоўца, адразу ж падаваліся ў залю. І не шкадавалі

— прамовы нашага гродзенца былі заўсёды самымі яркімі і жывымі, бо казаў ён тое, на што аемельваўся далека не кожны.

Я шчаслівая, што ён быў у маім жыцці. Яго заўсёды абкружала аўра нейкай асаблівай чысціні, якая часта здавалася ледзь не найўнай у нашым досыць складаным побыце. Ці змагаўся ён супраць п'янства (хадзілі цэлыя серыі анекдотаў «Як Карпюк даваў п'янству бой»), ці угаворваў гродзенцаў не рабіць з вуліц сметнік, ці грукаў на начальства кулаком— быў заўсёды гранічна шчыры. Шчыра асуджаў разводы і абараняў, як цяпер кажучь, сямейныя каштоўнасці. У кароткіх яго рэпліках пра ўласную сям'ю (калі пры нас даводзілася гаварыць па тэлефону з жонкай Інай Анатолеўнай ці з дзецьмі) адчувалася любасць да іх і гонар, асабліва што тычыла жонкі.

Шмат, шмат засгалося ў маім жыцці ад Аляксея Карпюка! Вось ад зін толькі штрых: неяк прыбеглая ў адцзяленне ўся такая расфранчаная, на вялікіх абцасах, задаволеная сабою і светам. Аляксей Нічыпаравіч жорсткаю рукой падводзіць да люстра: «Оля, свецкія дамы ніколі не фарбаваліся. У ранейшыя часы вочы падводзілі і вусны мазалі толькі ведаеш хго? Не кажы гэтае слова, бо дзяўчатам яго вымаўляць не прыстойна. А я табе скажу: прастытуткі!»

Вядома, я абурылася, я даказвала права сучасных дзяўчат на тое, што зараз назвала б «баявой размалёўкай канадскіх індзейцаў»... Ды з самага таго часу ўсё ж не карыстаюся ані пудрай, ані рознымі жаночымі прыладамі для прыгажосці. Не бяруся лічыць, колькі грошай зэканомілі мне тыя каргіюкоўскія словы, а вось што да часу — так, шмат. Бо часу пісьменніку заўсёды бракуе. Асабліва калі ён піша гістарычныя раманы і вымушаны гадзінамі крукам сядзець над летапісамі і фаліянтамі.

Гэта — жыццёвыя аскабалкі з тых незабыўных гадоў маладосці. А была і сур'ёзная, удумлівая вучоба — у сталага пісьменніка, які пражыў яркае, поўнае прыгод і нягод жыццё і перадаў гэта праз мас тацкія вобразы і ідэю гвораў. У іх жыве, пераліваецца моўнымі фарбамі сакавітая беларуская мова — негіяўторнагродзенская, дынамічная, свежая, як раса.

Зараз мы ўсе перажываем час, калі ў шалёным віры падзей нібы пераціраюцца і канаюць усе ранейшыя культурніцкія і духоўныя каштоўнасці. Але мне верыцца — у беларускай літаратуры назаўжды застанеца лепшае са створанага гродзенскім рамантыкам Аляксеям Карпюком...

Верасень 2005 г.

*Ніна ЛЯШЧОНАК,
навуковы супрацоўнік
Гродзенскага дзяржаўнага музея
гісторыі рэлігіі*

ЗАЎТРА ЗАЎСЁДЫ ПОЗНА

Аляксей Нічыпаравіч Карпюк! Гэта асаблівая старонка ў гісторыі музея.

Ён быў нашым першым дырэктарам у Горадні, нашым бацькам, сябрам, паплечнікам.

Ён навучыў нас шырыні мыслення, самастойнасці і незалежнасці, чаго потым нам не маглі дараваць.

Ён навучыў нас не баяцца міністраў і чыноўнікаў. Ён навучыў нас збірацца ў камандзіроўку за хвіліны, у экспедыцыю — за некалькі гадзін.

Ён быў для нас эталонам учынкаў і паводзінаў. Ён ніколі не патрабаваў вынікаў працы, ён давяраў нам і верыў у нас.

Ён навучыў нас глядзець, бачыць, думаць і аналізаваць, навучыў любіць нашу справу. Ён не цяпеў маруднасці, тугадумства, быў як маланка, здавалася, ён не хадзіў, а лятаў. Неаднойчы камунебудзь казаў: «Харошая вы жанчына, вось толькі павольна ідзяце».

Ён усё рабіў імкліва, хутка і адразу. Ніколі не адкладваў на потым, на дзень апошні. Ён быў шчыры і просты. Ён умеў дарыць радасць. Ён ніколі не быў стомленым, старым, хворым. Здаецца, аднойчы ўцёк з бальніцы праз адчыненае вакно.

Яго кнігамі мы зачытваліся і неаднойчы пыталіся: гэта вы пра сябе? Аляксей Нічыпаравіч нічога не адказваў, толькі загадкава ўсміхаўся.

А як ён размаўляў! Якая бліскучая, высакародная мова.

А як ён умеў жартаваць! Як мог смяцца!

Усе святы ў музеі мы святкавалі разам з нашым дырэктарам. Ён апекаваў нас, клапаціўся, знаёміў з пісьменнікамі і мастакамі, з цікавымі людзьмі. Гэта Аляксей Нічыпаравіч нас пазнаёміў з Уладзімірам Караткевічам, які падчас сустрэчы сказаў: «Гадоў 15 назад паганяў бы я вас па Наваградчыне, вы б у мяне як міленькая ведалі беларускую мову». Чалавек неардынарны, ён апярэдзіў свой час.

Нам проста пашанцавала ў жыцці, таму што лес даў нам такога дырэктара. Але лес яго і забраў. Назаўсёды. Аляксей Нічыпаравіч пайшоў ад нас, а мы мусілі працаваць далей, ствараць экспазіцыю, але на працягу некалькіх гадоў мы адчувалі яго маральную падтрымку.

ЛІСТ ВАСІЛЯ БЫКАВА ДА ІНЫ КАРПЮК

6 студзеня 1993 г.

Дарагая Іна Анатольеўна, атрымаў Ваша маларадаснае пісьмо, якое навеяла і на мяне разам з успамінамі вялікі сум. Канешне, Аляксей і ягоны лес — цяжкі, драматычны лес беларускага пісьменніка, надзеленага чуйным сэрцам. Аляксей меў усе магчымасці, каб добра ўладкавацца ў жыцці, жыць бязбедна, зрабіць кар'еру. І калі ён не зрабіў таго, дык па прычыне свайго сумленнага сэрца, якое балела не толькі за сябе ці за сваё. А яшчэ і за людское, за народнае. З тае прычыны і ўсе ягоныя беды, якія (я ўпэўнены ў гэтым) нарэшце і звялі яго ў магілу. [...]

Вельмі шкадую, што мне не ўдалося прыехаць на пахаванне — на прыкладні ноччу мяне дапакла арытмія, і я раніцай нерашыўся пускацца ў дарогу, — М. Ткачоў паехаў без мяне. Увосень быў у Гародні, з'ездзіў на могілкі... Не спадабалася мне месца Аляксеевай магілкі — увогуле месца добрае, але ззаду за начальствам, як у прэзідыуме ў другім радзе, для другарадных начальнікаў. А так на пагорачку, гэта добра. Хаця, канешне, трэба б далей ад тых, з кім Аляксей ваяваў усё жыццё і якія яго ненавідзелі. Хіба што, як вядома, смерць ураўнівае. Але ж...

Цяпер такая справа, Іна Анатольеўна. Пасля Аляксея, канешне, засталася шмат напер — запісаў, чарнавікоў і г. д. Трэба іх большмеіш разабраць і здаць у літаратурны архіў у Мінску, яны там прывядуць усё ў надзейны стан, і тое будзе захоўвацца для будучых даледчыкаў. І для гісторыі. Гэта ўвогуле важна. Цікавасць і ўвага да А. Карпюка будзе з часам расці, гэта пэўна. Як яна ўспыхнула да Л. Геніюш, што пры жыцці піхто не хацеў заўважаць. [...]

Я вельмі жадаю Вам, дарагая Іна, трымацца якнебудзь. І прывітанне Вашым рабятам. З павагай і шчырасцю

Васіль.